

Валерий Введенский

СЫЩИКИ ИЗ ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ

— **И** —

СЕКРЕТ МЕДАЛЬОНОВ

Валерий Владимирович Введенский Сыщики из третьей гимназии и Секрет медальонов

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68998837

Аннотация

Разжалованный штабс-капитан Анатолий Чванов – уголовники кличут его Толиком Дерзким – по дороге на каторгу выяснил, что его отец спрятал перед смертью сто тысяч рублей, зашифровав их местонахождение в двух медальонах. Один из них у Дерзкого на шее, второй – в Петербурге, у его брата-ростовщика. Сбежав с каторги, Анатолий Чванов явился к брату. Тот попытался его задержать, но преступник смертельно ранил ростовщика. Случайными свидетелями убийства оказались обитатели питерского «дна» – крючочница Фроська и её сын Кешка. Сыскная полиция арестовала Фроську, обвинив её в убийстве. Пытаясь спасти мать, Кешка сводит знакомство с сыном известного адвоката гимназистом Володи Тарусовым и его одноклассником Федей Липовым...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	49
Глава четвертая	73
Глава пятая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Валерий Введенский

Секрет медальонов

«Сыщики из третьей гимназии и Секрет медальонов».

* * *

Глава первая

– Ну, наконец-то, – прошептал Дерзкий, заметив в подворотне женщину в алой косынке.

– Что? Вышла? – уточнил его напарник Оська по прозвищу Хвастун, долговязый парень в рваном засаленном сюртуке. – А точно она?

– Она, голубушка, кухарка Чванова. Платочек аленький на всей Коломенской только у неё.

– А что, у ростовщика другой прислуги разве нет?

– Нет.

– Ты ж говорил, богач...

– Богач-то богач, но жуткий скряга.

– Может, потому и богач, что скряга, – посетила голову Оськи неожиданная мысль. – Говоришь, закладов у него тысяч на пять?

– Может, и на десять.

– Как же ты их унесешь? Пойдем, давай, вместе. Ну что нам тот дворник сделает? Скажем, что к ростовщику, медальон твой идём закладывать...

– Дворник меня знает...

– Откуда? – спросил любопытный Оська.

– Не твоё собачье дело, – стукнул по столу Дерзкий.

Оська хотел возразить, но, кинув на приятеля взгляд, осекся – глаза Дерзкого горели недобрым огнем, а сжатые в

кулаки руки готовы были врезать, ежели Хвастун немедля не заткнется.

– Так. Кухарка вышла на Коломенскую, повернула в сторону Кузнечного переулка, – сообщил приятелю Дерзкий, смотревший в окно. – Тебе пора. Всё помнишь?

– Чего тут помнить? Показать дворнику целковый, пригласить сюда, в трактир.

– Стол займешь другой, где-нибудь в глубинке, чтобы ему улицу было не видать.

– Это понятно, – Оська поднялся с табурета и направился к выходу.

– Эй, служающий, – крикнул Дерзкий, – сколько с нас?

– Чайная пара¹, – стал загибать пальцы половой, – два бутерброда с ревельской килькой, два с ветчиной, итого-с пятиалтынный.

Дерзкий бросил на стол три пятака, продолжая наблюдать в окно за Оськой, который, перебежав Коломенскую, вальяжной походкой подкатил к дворнику, лениво подметавшему тротуар.

– Эй, уважаемый, – обратился он к нему.

Крепкий бородач в длинном тёмном кафтане и белом фартуке неприязненно оглядел оборванца:

– Чего тебе?

– Сам-то я нездешний, только-только с вокзала. Вот ищу, где выпить.

---

¹ Чайники с заваркой и кипятком.

– А деньги у тебя есть? – усомнился дворник, разглядывая разодранный сюртук Хвастуна.

– А то как же, – воскликнул Оська и достал из-за пазухи выданный ему Дерзким рубль.

– Ого, целковый! – одобрительно цокнул языком дворник. – На такие деньжата славно можно погулять.

– Только вот где? – улыбнулся в ответ Осип.

Улыбка у него была столь располагающей, что даже городской не заподозрил бы в нем воришку и мошенника.

– Да хоть напротив, – махнул метлой дворник на тот самый трактир, из которого только что Оська вышел.

– Не составите ли мне компанию, уважаемый? А то я здесь никого не знаю.

Отлучаться от дома дворнику было нельзя. Если бы его отсутствие обнаружила хозяйка непременно уволила бы. Но нынешнее лето она безвылазно жила на даче, в город не приезжала. И дворник, а звали его Прокопий, решил рискнуть – уж больно хотелось ему выпить на дармовщинку. Он отнес метлу в дворницкую, снял там фартук и вместе с новым приятелем отправился в трактир.

* * *

Дерзкий покинул трактир в тот момент, когда Прокопий скрылся в дворницкой. Степенно, будто и не в старом заношенном армяке, пересек Коломенскую и зашел в парад-

ный подъезд. Поднявшись на второй этаж, покрутил кнопку звонка. В глубине квартиры раздались неспешные шаги, и вскоре входную дверь отворили, правда, не настежь, всего лишь на цепочку.

– Чего тебе надо? – спросил ростовщик, увидев через щель оборванца.

– Медальон заложить, серебряный, – и, сняв его с шеи, сунул под нос ростовщику.

Дверную цепочку тут же сняли, дверь распахнулась.

– Прошу, проходи. – Ростовщик пропустил Дерзкого внутрь и от охватившего его волнения забыл закрыть дверь на ключ. – Откуда он у тебя?

Дерзкий, игнорируя вопрос, прошел прямо по коридору в огромную комнату. Другие бы хозяева использовали её как столовую, Чванов же заставил стеклянными витринами, точь-в-точь как в ювелирных лавках. И в них под замками держал заклады – от дорогих колец с бриллиантами до копеечных медных крестиков – под залог которых ссужал клиентам деньги. Кому в половину, а кому в четверть истинной стоимости. В назначенный Чвановым срок (обычно через месяц) залог надлежало выкупить, то есть вернуть ростовщику полученную сумму, а сверх неё ещё и плату за кредит, так называемые проценты. Однако редко кому из его клиентов это удавалось. И тогда невыкупленные заклады становились собственностью ростовщика.

– А ты, смотрю, всё богатеешь и богатеешь, – процедил

Дерзкий.

– Как смеешь мне тыкать, оборванец? – взвизгнул Чванов. – И вообще, откуда у тебя этот медальон?

– Что? Неужто не узнал?

Стоявший спиной Дерзкий обернулся, и Чванов едва не выронил из рук свечку.

– Анатолий?

– Таки признал... Ну что, обнимемся, братишка?

– Ты же на каторге...

– Был и там, да весь вышел.

– Ты что... сбежал?

– Какой ты догадливый...

– И что тебе от меня надо?

– Во-первых, денег...

Чванов достал из кармана халата несколько мятых рублей:

– На, держи...

Дерзкий отпихнул руку брата:

– Три рубля? Ты что? Издеваешься? Я ведь из-за тебя на каторгу попал.

– Ты попал туда за убийство.

– Меня признали бы сумасшедшим, если бы не ты. Зачем ты в суд явился?

– А зачем ты подписывал векселя моим именем? Знаешь, сколько сил и средств мне пришлось приложить, чтобы от них отбиться?

Дерзкий достал из кармана длинный узкий кинжал.

– Ты чего? – попятился от него ростовщик. – Я твой брат...

– Спасибо, что об этом вспомнил. Открывай давай несгораемый шкаф. Я знаю, он вмурован за портретом отца. Открывай, говорю, не то порежу как колбасу...

Возмущенный ростовщик подошел к картине. Сняв её, достал из кармана халата связку ключей и, безошибочно выбрав нужный, сунул в замок шкапа.

– Теперь отойди, – велел Дерзкий. – Вдруг у тебя там револьвер?

Увы, револьвер ростовщика покоился в ящике письменного стола. Как бы ему до него добраться?

Каторжник повернулся спиной к брату и, вытащив из кармана армяка холщовый мешок, сгреб в него лежавшие в шкапу купюры и монеты.

– Не густо, – вздохнул он. – Где остальные?

– Всё, что есть, – развел руками ростовщик. – Ты думал, я миллионер? Какое там... Каждая копейка потом и кровью достается...

Дерзкий рассмеялся:

– Скажешь тоже... Ты такой же грабитель, как и мои друзья-каторжники. Последнее у людей отбираешь. Только им, разбойникам, за то каторга полагается, а вам, ростовщикам и банкирам, – уважение и почёт. А где медальон?

– Какой медальон? – опешил Чванов.

– Отцовский.

– Зачем он тебе?

– Не твое собачье дело, – оборвал его Дерзкий. – Давай медальон, живо. Не то зарежу...

– Не маши ножичком. Забирай, конечно... Где же он? Недавно ведь на глаза попадался, – начал ломать комедию ростовщик, медленно приближаясь к столу. – Не здесь ли?

Александр Иванович приоткрыл дверцу буфета:

– Нет. Должно быть, в столе...

Быстро подошел к нему, открыл нужный ящик и вытащил револьвер:

– А вот и он. Теперь клади деньги обратно в шкаф. Быстро! И нож туда же.

Дерзкий, сплюнув на ковер, с презрением глянул на брата:

– Как сволочью был, так сволочью и остался.

– С волками жить – по-волчьи выть, – с самодовольной улыбкой ответил ростовщик. – Пора тебе, Толик, обратно в Сибирь. И на сей раз уж я не поскуплюсь, будь уверен. Заплачу тюремщикам, чтобы глядели за тобой в оба. Сгниешь там заживо.

– А ежели секрет медальонов открою?

– Какой ещё секрет?

– Отец в них зашифровал, где спрятано наше наследство.

– Не говори ерунды. Наследство украл Васька...

– Если бы он украл, я бы в Нерчинске его не встретил. С такими деньжищами с каторги сбежать – плевое дело.

– Васька до сих пор жив?

– Да. И побожился, что денег отцовских не брал. Папашка наш, – Дерзкий кивнул на портрет, – их спрятал...

– Где?

– Так я тебе и сказал. Сперва поклянись, что не выдашь меня властям и что деньги поделим поровну.

Ростовщик задумался. Дерзкий видел по глазам брата, какая нешуточная борьба между лютой ненавистью и жадностью происходит в его душе. Как и рассчитывал преступник, алчность победила.

– Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

* * *

Орудием труда крючочникам служил трехзубый крюк, ввинченный в палку от метлы. Им они шуровали в мусорных кучах, отделяя от объедков ценные, по их мнению, вещи: обрывки тканей, обглоданные кости, бутылки и железки. Найденное тряпичники складывали в холщовые мешки, что висели у них за плечами, и вечером, вернувшись домой, сортировали их по кучкам, чтобы затем сбыть скупщику. Тот же, собрав хлам от полусотни крючочников, продавал его на переработку: ткани шли на производство бумаги, кости – на изготовление клея, металлы в переплавку, бутылки возвращались в трактир.

Но иногда в кучах мусора крючочникам попадались более ценные вещи: изношенный костюм или платье, которое

можно было перелицевать, – их сбывали портным, стоптан-ные до дыр сапоги или туфли продавали сапожникам. А вот потерянные из-за прогнившей веревки нательные крестики крючочники относили ювелирам или ростовщикам.

Как раз накануне, в субботу 16 августа 1873 года, десяти-летний Кешка, сын Фроськи-крючочницы, нашел в одном из дворов Свечного переулка золотой крестик.

– Сдадим Александру Иванычу, – сходу решила его мать. – Полтинник за него точно даст.

– А конфет мне за крестик купишь? – уточнил Кешка, как и все ребяташки обожавший сладкое.

– Ещё чего? За угол ещё не плочено...

Кешка с мамкой снимали для жилья угол в комнате порт-ного Иванова.

– Тогда требуй с ростовщика не полтинник, а рупь...

– Не даст. Ни в жизнь не даст.

– Он-то даст. Только ты обмануть меня хочешь и второй полтинник пропить, – догадался Кешка и решительно за-явил: – Вместе к Иванычу пойдем.

И какие только причины ни придумывала Фроська, чтобы сынок остался дома, Кешка всё равно увязался за ней. Если бы дворник стоял, как и положено, на улице, через парадную дверь он бы крючочников не пустил, заставил бы их по чер-ной лестнице подниматься. Но Прокопий сидел в трактире, и Фроська с Кешкой спокойно зашли в парадную и поднялись на второй этаж. Квартира ростовщика была не заперта. Они

приоткрыли дверь и вошли. Из бывшей столовой до них до-
несли голоса:

– Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

– Помнишь на обеих миниатюрах березу...

– Как не помнить...

– Так вот, листики на её ветках – это шифр...

И тут Кешка внезапно чихнул.

– Кто там? – громко спросил ростовщик.

– Мы это, Ефросинья с Иннокентием, – подобострастно
ответила крючочница. – Но ежели заняты...

– Беги в полицию. Скажи, грабителя пой...

Договорить ростовщик не успел – Дерзкий метнул в него
кинжал, который попал точно в горло. Выстрелить в ответ
он не сумел – руки разжались, револьвер из них выпал, и ро-
стовщик с грохотом повалился на пол. А преступник, под-
хватив мешок с деньгами, ринулся на кухню, в два прыжка
очутился у двери на черную лестницу, быстро скинул крюк,
на который та была закрыта, и был таков...

* * *

Ни Фроська, ни Кешка в полицию не побежали. Услышав
сперва грохот, а потом убегающий топот, они, выставив впе-
ред, словно ружья, крюки, осторожно прошли по коридору
в квартиру.

Нет, они не считали себя бесстрашными героями, кото-

рые, презрев опасность, кинулись на помощь ростовщику. Расчеты у них были свои: грабители, судя по топоту, уже сбегали, а Чванов, похоже, убит или ранен. Вдруг разбойники не всё успели украсть? Вдруг и Фроське с Кешкой что-то перепадёт?

– Господи! – перекрестилась крючочница, увидев лежавшего на полу ростовщика, вокруг которого растекалась лужицей кровь.

– Что? Сдох? – уточнил Кешка.

– Дохнут кошки с собаками... Люди Богу душу отдают...

– Он уже отдал душу?

Фроська осторожно потрогала крюком тело ростовщика.

– Кажись, да. Сходи-ка парадную дверь на цепочку запри.

А я пока...

Фроська размахнулась палкой и ударила крюком по одной из витрин.

– Нас же в тюрьму посадят! – испугался Кешка.

– А кто на нас подумает? Никто и не видал, как мы в дом зашли.

Фроська сняла заплечный мешок и стала запихивать в него заклады. Кешка сбегал к двери и закрыл её.

– Дай-ка свой горбовик, – велела ему мать, когда он вернулся в столовую.

Кешка стянул заплечный мешок и кинул ей, не сводя глаз с Александра Ивановича – он вдруг заметил, что положение правой руки ростовщика изменилось: когда они только за-

шли, она была выпрямлена, а теперь согнута.

– Кажись, жив, – испуганно пробормотал Кешка.

– Когда кажется, крестись ...

– Кто тут? – прошептал ростовщик.

– Ой! И вправду жив! Что ж теперь будет? – испугалась крючочница.

– Фроська, ты? – прохрипел Чванов.

– Да.

– Подойди.

Крючочница с опаской приблизилась.

– Сыну... передай... медальоны... листики на березе... шифр... Поняла? – произнес умирающий.

– Шифер на березе, чего тут непонятного?

– Передай, Только за ними... – закончить ростовщик не смог. Правая его рука снова разогнулась, и он затих навсегда.

– Теперь точно Богу душу отдал, – перекрестился Кешка.

– Ну что встал как вкопанный? – закричала Фроська, уже успевшая разбить и обчистить все витрины. – Оглядиись, что бы ещё прихватить.

Кешка, схватив венский стул, подбежал к киоту.

В каждом доме, где жили православные, имелась полка с иконами, которая называлась киотом.

– А ты у меня голова! – похвалила Кешку мать. – Оклады-то на иконах какие богатые. Дай-ка их сюда.

Забравшись на стул, Кешка стал подавать иконы, а Фроська – складывать в мешок.

– Ты там ещё пошуруй. За иконами часто самое ценное прячут, – велела мать.

Он послушался и действительно обнаружил в глубине киота нечто круглое на цепочке. Нажав на кнопку медальона, он открыл его и в свете неугасимой лампы, горевшей на киоте, увидел вложенную в него картинку, а на ней офицера, а за ним березу, на ветках которой желтели листочки.

«Медальон... листочки... шифер», – пронеслись в голове последние слова Чванова.

– Ну что там? – спросила Фроська.

– Вроде ничего, – соврал Кешка.

– Тогда слезай. Тикать отсюда пора.

Кешка спрыгнул со стула, незаметно для Фроськи сунув медальон в карман штанов.

– Всё, пошли, – сказала Фроська. – Не дай Бог кухарка с рынка вернется...

Кухарку Чванова, ту самую в аленьком платке, крючочники встретили по дороге сюда – остановившись возле Кузнечного рынка, она точила лясы с товаркой.

– Опять через парадный пойдем? – спросил Кешка.

– Нет, через черный. Вдруг дворник на пост вернулся?

Черные лестницы имелись в каждом доходном доме – по их облупленным грязным ступенькам дворники поднимали в квартиры дрова и воду, а обратно уносили мусор и пищевые отходы. Также по черным лестницам ходила прислуга – лакеи, горничные, кухарки и обслуга – полотёры, трубочи-

сты, прачки, разносчики.

На черной лестнице крючочники ни с кем не столкнулись, двор был пуст. Чтобы не попасться на глаза Прокопию, через подворотню не пошли. А поплутав между дровяными сараями, выбрались «сквозняками» (проходными дворами) на соседнюю Николаевскую улицу и по ней уже направились к Лиговскому каналу.

* * *

Дерзкий, попетляв на всякий случай по соседним улицам, снова зашел в трактир. За столик садиться не стал. Встретившись глазами с Оськой, сделал ему знак, мол, пора отчаливать.

– Счётик нам извольте, – крикнул Хвастун половому.

– Что, уже уходим? – удивился сильно захмелевший Прокопий.

– Да, брат, мне пора. Дела у меня ещё...

– Хороший ты человек, Оська, – сказал, поднимаясь со скамьи, дворник.

Хвастун быстро рассчитался и, простившись с новым приятелем, выскочил из трактира вслед за Дерзким. Друг за другом, будто и не знакомы, они дошли до Свечного переулка. На перекрестке Дерзкий остановился, пропуская экипаж, и когда Оська поравнялся с ним, быстро сунул ему в руку целковый.

– Что, уже и сбыть успел? – удивился Хвастун, разглядев рубль. – А почему так мало? Мы же договаривались...

– Всё обещанное ты получишь. И даже больше. – Экипаж проехал, и оборванцы двинулись дальше по Коломенской. – Но придется залезть в квартиру ещё раз. Не всё оттуда выгреб. Помешали...

– Кто?

– Клиенты ростовщика. Явились в самый неподходящий момент. Пришлось ретироваться.

– Думаешь, ростовщик тебя ещё раз впустит? – со смешком спросил Оська.

– Кто его будет спрашивать? Был ростовщик, да весь вышел.

– Как это?

– Зарезал я его.

– Что?

– Что слышал. Ты пока погуляй, а часика в четыре снова приходи в трактир.

Ошарашенный Оська ещё долго стоял как столп, обдумывая положение, в котором внезапно очутился. Конечно, он и до сего дня был преступником, но всего лишь воришкой, никак не убийцей. И теперь, если вдруг поймают, месячным арестом он не отделается. За убийство и даже за соучастие в нем отправят на каторгу. Почему Дерзкий не предупредил, что убьет ростовщика? Вот ведь негодяй!

Но чуть погода Оська вспомнил о серебряном рубле, что

сжимал в кулачке, и настроение сразу улучшилось. С неизменной улыбочкой на лице он пошел коротать время в кабаке.

А его недавний собутыльник Прокопий, не без труда перейдя через дорогу, надел фартук и, взяв в руку метлу, встал у подъезда. Правда, мести тротуар он уже не мог, метла ему была нужна скорее для опоры. Вскоре мимо него прошмыгнула во двор кухарка Чванова, закупившая на Кузнечном рынке провизию на обед и ужин. Прошла ещё пара минут, и со второго этажа раздался её истошный крик:

– Помогите! Убили!

Прокопий, спотыкаясь, побежал по парадной лестнице вверх – навстречу ему с криком летела кухарка.

– Беги! Беги в полицию! – велел ей Прокопий.

Заскочив в дворницкую, он засунул голову в ведро воды, чтобы протрезветь. Потом съел головку лука, чтобы от него не разлило водкой.

Участковый пристав с городовыми и околоточным явились через четверть часа.

– Кто за последний час входил в дом и выходил из него? – строго спросил пристав Прокопия.

– Да не было никого.

– А через черную лестницу?

– Не могу знать. Мне отсюда не видать. А остальные дворники в отпусках.

Дворниками в Петербурге служили крестьяне окрестных губерний, у которых в деревнях оставались жены, дети и зе-

мельные наделы. С них-то семья и кормилась. Поэтому летом, когда работы было мало, дворники уезжали домой, чтобы убрать урожай.

– А почему от тебя водкой несёт? – принялся пристав.

– То не водкой, то луком. Обедал только что.

Полицейские поднялись на второй этаж, осмотрели труп и разбитые витрины.

– Самим нам тут не справиться, – решил пристав и отправил одного из городских за подмогой в сыскную полицию.

* * *

Кешке с большим трудом удалось уговорить мать не сбывать всё украденное сразу.

– Но почему? – возмутилась та по дороге. – Ведь как люди тогда заживем. Комнату снимем. А то и квартиру.

– Ага! И ты пригласишь туда своих дружков и за три дня пропьёшь все деньги. Нет! Если заклады сбывать потихоньку, этих денег нам на год хватит. А то и на два.

– А где их хранить?

– Как где? В сундуке, на котором спим. Кто в него полезет?

С прежней, более сытной жизни у Фроськи остался большой деревянный сундук, в котором когда-то лежало её приданое: два платья и перина. На нем, подложив вместо подушки под голову полено, Фроська с Кешкой и спали.

Перейдя Ново-Каменный мост, крючочники свернули направо и наискосок вышли на Воронежскую улицу. Миновав по ней три извозчичьих двора, они поднялись по черной лестнице на самый верх каменного четырехэтажного дома, в котором обитали. Комната была маленькой, большую её часть занимал портной Иванов с женой и тремя детьми. Прокормить своим промыслом такую ораву он не мог, поэтому был вынужден делить жилище с Фроськой и её сыном.

– Что-то вы рано сегодня, – буркнула жена портного Наталья, постоянно кашлявшая из-за душившей её чахотки.

– Так воскресенье. Работать грех, – парировала Фроська.

– Зато не грех заплатить за угол.

– Не бойся, получишь сегодня по полной. Да ещё вместе с авансом. Гляди, что в Чубаровом переулке нашла, – Фроська, желая похвастаться, сунула Наталье в руки икону Смоленской Божией Матери, украденную у Чванова. – Видишь, какой оклад богатый: тут тебе и серебро, и жемчуг. Как думаешь, сколько за неё дадут?

– Ну, если заложить...

– Заложить – только деньги терять. Хорошо, если полцены дадут. Продать хочу...

– Тогда червонец, не меньше.

– Вот только кому её сдать?

– Так Чванову, – предложила Наталья.

Фроська невольно вздрогнула:

– Нет, он в прошлый раз меня надул.

– Тогда Сарайкину на Боровой. Знаешь его?

– Конечно.

– Только я с тобой пойду, – сказала неожиданно Наталья.

– Это ещё зачем?

– А то ты как деньги получишь, сразу в трактир завернешь и все пропьешь.

– И я с вами пойду, – заявил Кешка.

Мальчик тоже был уверен, что мать на радостях прогуляет все деньги. А ему очень хотелось есть – ведь со вчерашнего вечера, когда Наталья из жалости сунула ему вареную картофелину, у него росинки маковой во рту не было.

Сарайкин долго торговался, в результате сошлись на восьми с полтиной. Три рубля – оплату за угол за текущий и следующий месяц забрала Наталья, четыре – после небольшого скандала достались Кешке: на двадцать копеек он сытно поел в Обжорном ряду, а остальные решил припрятать. Оставшиеся полтора рубля Фроська пошла прогуливать в кабак.

Отобедав, Кешка отправился на лужайку, что за домом, к старому дубу, в дупле которого у него был тайник. Там завернутыми в тряпицу хранились самые дорогие вещи: оловянный солдатик без ноги, лубочная картинка с Аникой-воином и обгорелая страница из книжки, на которой щеголяла пушистыми иголками рождественская елка. Все эти сокровища он нашел на свалках, но они так ему приглянулись, что припрятал их от матери. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, он взобрался по стволу и веткам наверх и сунул

в душло медальон и отобранные у матери деньги.

Глава вторая

Отправленный за подмогой городской вернулся в квартиру на Коломенской через час вместе с изящно одетым господином с франтоватыми усиками.

– А, Арсений Иванович, наконец-то, – поприветствовал его пристав.

– Что удалось вам выяснить?

– Кухарка Дарья Павлухина вышла из дома, как обычно, в одиннадцатом часу утра и отправилась на Кузнечный рынок. Дверь на черную лестницу закрыл за ней сам хозяин. Когда Павлухина вернулась, то обнаружила эту дверь открытой, что показалось ей странным, потому что барин, опасаясь грабителей, всегда закрывал её на крюк, когда кого-то впускал в дом. Кухарка рискнула зайти в квартиру, где и обнаружила труп своего работодателя господина Чванова Александра Ивановича, дворянина Курской губернии, тридцати трех лет, подпоручика в отставке.

– И чем же господин подпоручик занимался после отставки? – уточнил сыщик, тростью указав на витрины. – Неужто ростовщицеством?

– Да-с, господин Яблочков, вы правы, – подтвердил участковый пристав. – Причем деньги ссужал за бешеные проценты. Последнюю рубашку сдирали с бедолаг, имевших несчастье к нему обратиться.

– То есть, врагов у него вагон и тележка. Давайте-ка взглянем на покойничка, – предложил Яблочков.

Один из городских сдернул с трупа простыню.

– Так, так, так. – Сыщик наклонился и аккуратно вынул из раны кинжал. – Какой необычный ножик: узкий, легкий, а заточен-то как остро!

– Я у горцев такие видал, – сообщил пристав, служивший некогда на Кавказе.

– А это ещё что?

– Где?

– Да под трупом. – Сыщик приподнял правую руку покойного и вытащил из-под неё револьвер.

– Хм, а я, признаться, его и не заметил, – сказал пристав. – Откуда он взялся?

– Предположу, что господин Чванов держал его в руках, но грабитель исхитрился первым ударить его кинжалом, и револьвер выпал из рук покойного, который на него и упал. Так, так, так... и где кухарка?

– На кухне, плачет.

– Приведите-ка её сюда.

Пристав жестом отправил за кухаркой одного из городских. Тем временем чиновник для поручений сыскной полиции Яблочков обшарил карманы в халате убитого.

– Ага! Несколько рублей, мелочь, связка ключей.

Он вытащил её и, подойдя к одной из разбитых витрин, быстро нашел ключ, который её открывал.

– Хм, зачем же её разбили?

– Предположу, что грабитель торопился, – сказал пристав.

В бывшую столовую вошла кухарка.

– Ты нашла труп? – спросил её сыщик.

– Да, – подтвердила она, стараясь не смотреть на покойника.

– А ножик чей? – Яблочков сунул ей под нос орудие убийства. – Твой?

– Нет, что вы...

– Не ври, знаю, что твой. Ты барина убила?

– Да что вы говорите? – перепугалась Павлухина. – Я верой и правдой ему служила. А он был добрым ко мне. Зачем мне его убивать?

– Чтобы присвоить заклады, – объяснил Яблочков, повернувшись к приставу. – Кухню обыскали?

– Конечно, но ничего ценного не нашли.

Яблочков схватил кухарку за плечи:

– Говори, где заклады?

– Пустите! Невиновная я!

Пристав кашлянул:

– Кроме ценностей, у Чванова ещё и деньги украли. Вон видите несгораемый шкаф, вмурован в стену?

– И сколько там было денег? – заорал на кухарку чиновник сысской.

– Не знаю, – заплакала она.

Яблочков подошел к открытому шкапу со связкой ключей

и быстро подобрал нужный.

– Странно. Почему шкаф вскрыли ключом, а витрины разбили? Ведь дворник и прохожие могли услышать шум в квартире – форточка-то открыта.

– Да дворник в стельку пьян, – сообщила кухарка.

– Как пьян? – удивился Яблочков и вопросительно уставился на пристава, в обязанности которого входило следить за поведением всех дворников вверенного ему участка.

Пристав пожал плечами.

– Приведите-ка его сюда, – распорядился Яблочков и продолжил допрос кухарки. – Ну а сей револьвер тебе знаком?

– Похож на тот, что был у барина.

– И где он его держал?

– В столе, в верхнем ящике.

Яблочков открыл его – револьвера там не оказалось. Он задумался и потом попытался вслух представить сцену убийства:

– Итак. Грабитель под угрозой ножа заставил Чванова открыть несгораемый шкаф. Пока негодяй выгребал оттуда деньги, ростовщик подошел к столу, вытащил револьвер, но выстрелить не успел. Потому что опомнившийся преступник подскочил и пырнул его кинжалом.

– Кинжал он мог и метнуть, – предположил пристав. – Кавказцы способны поразить подобным ножом на десяток шагов.

– Значит, преступник – кавказец. Зачем же кавказец раз-

бил витрины? Ведь мог, как и я, вытащить ключи из халата... Кстати, а где конторская книга Чванова? У всех ростовщиков такая имеется.

– В нижнем ящике стола. Там же и квитанции, – сообщила кухарка.

Яблочков открыл нужный ящик, вытащил оттуда гроссбух, стал его листать... Сие занятие прервал городской, который привел Прокопия.

– Царствие небесное! – прошептал дворник, увидев мертвое тело, и повернулся к киоту, чтобы перекреститься. – Господи! Вот ведь ироды. Ещё и иконы украли.

Кухарка подняла голову:

– И впрямь украли, а я и не заметила.

– Много их было? – спросил Яблочков.

– С дюжину! И каждая в дорогушем окладе, – сокрушенно заметила кухарка.

– Описать иконы с окладами сможешь?

– Конечно...

– Господин пристав, не в службу, а в дружбу, покамест я с этим красавцем беседую, составьте с Павлухиной список икон и запишите, как выглядят оклады.

– Хорошо.

Чтобы не мешать опросу дворника, пристав с кухаркой удалились на кухню.

– Твоих рук дело? – зловещим тоном спросил дворника Яблочков, указав на ростовщика.

– Нет...

– Твоих, твоих! По глазам твоим бесстыжим вижу, что ты убийца. Давай признавайся! Тогда тебе послабление выйдет.

– Так не в чем признаваться. Такой грех на душу взять не могу...

– А какой можешь?

– Да никакой. Это я так. К слову...

– А почему пьян?

– Вовсе и не пьян. Просто лук ел. Очень он от заразы помогает.

– От какой ещё заразы? – опешил Яблочков.

– Простуды всякой, – объяснил дворник. – Я ведь целыми днями на улице стою. А народец мимо меня так и шкандыбаёт. И каждый носом шмыгает. А некоторые ещё и кашляют.

– Что за народец? Кого-то подозрительного сегодня приметил? Может, кавказца?

– Кавказца, да, видел. Как раз сегодня. В бурке и папахе.

– Куда шел?

– Не шел. Ехал на лошади. Офицер.

– Тьфу. Может, кого ещё подозрительного видал?

– Много кого! Здесь же рынок рядом. То нищие снуют, то тряпичники. Каждый божий день.

– Я про сегодня спрашиваю, – перебил Арсений Иванович. – Сегодня кто показался подозрительным?

– Говорю же, нищие. Гурьбой спозаранку шли.

– Во двор не заходили?

– Нет. Зачем им во двор? Им собор нужен, христарадничают они там.

– Народа в доме много живет?

– Да нет... Сейчас только Чванов. А теперь, получается, и он съехал.

– Остальные жильцы где?

– На дачах. Вот-вот вернутся. Детишкам-то по гимназиям пора...

Яблочков приуныл. Если в доме никто не живет, значит, никто в окно не смотрел.

– А Чванов со своей кухаркой ладил?

– Вроде да.

– Часто ругались?

– Не знаю, не слышал.

– А что он был за человек?

– Скупердяй, каких поискать. Нас, дворников, ну вы знаете, поздравлять положено с Пасхой и с Рождеством. Так вот, придешь к нему и ждешь-ждешь, и ждешь-ждешь. Потом наконец Дарья рюмочку принесет и целковый. Другие-то жильцы трешку, а кто и пятерку дарят.

– Семьи у Чванова, так понимаю, нет.

– Почему нет? Жена, правда, померла. Давно уже. А сынок жив-здоров. В кадетском корпусе учится. Хороший мальчишка. Всегда здороваается...

– Сколько лет?

– Четырнадцать или тринадцать. Точно не знаю.

– Как звать сына?

– Иваном.

– И где он сейчас?

– Вроде бы в лагерях. Да вы у Дашки спросите, она точно знает.

В бывшую столовую вошли четверо мужчин: один походил на фабричного, на втором красовался вицмундир студента Технологического института, третий походил на мелкого чиновника, четвертый – на извозчика.

– Здравия желаю, – сказали они Яблочкову.

– Ну наконец-то! – с гневом воскликнул он. – Где вас черти носят? Я же приказал ехать за мной.

– Приказать-то, приказали, – вздохнул «студент».

– ...только прогонных не дали, – вторил ему «чиновник».

– Пришлось бегом, – пояснил задержку «фабричный».

– А с Большой Морской путь неблизкий, – закончил «извозчик».

– Что вы здесь забыли? – спросил, растолкав вошедших, полицейский пристав.

– Это агенты сыскной, – пояснил Яблочков.

Штат сыскной полиции был невелик – двадцать два человека, включая четырех канцелярских работников. И конечно же, побороть преступность в Петербурге, население которого приближалось к миллиону, они не могли. Но в помощь штатным сотрудникам разрешалось привлекать людей со стороны. Их и называли агентами. Платили им сдельно,

только за выполненные поручения. Большинство агентов сотрудничали с сыскной полицией не один год и были столь же профессиональны, что и штатные сотрудники.

– Описание икон составили? – спросил у пристава Яблочков.

– Конечно. Заодно ещё раз допросил Павлухину. И теперь абсолютно уверен, что она невиновна.

– А я вот нет. И потому её арестую.

– Но я же сказал... – запротестовал пристав.

– Восемьдесят процентов преступлений против хозяев совершают их слуги, – с интонацией учителя напомнил ему Яблочков.

– И где же тогда заклады? Куда она их, по вашему мнению, спрятала? – возмущенно спросил пристав. – В квартире мы всё обыскали.

– А вдруг на чердаке? Вдруг в подвале соседнего дома?

– Ерунду говорите! Понапраслину на меня возводите! – возмутилась Павлухина.

– Может, и понапраслину. А может, и нет. В съезжем доме посидишь, пока не разберемся.

– Господин Яблочков, я на вашем месте арестовал бы не Павлухину, а дворника, – стал настаивать пристав.

– А вот с этим согласен. Его тоже отведите в кутузку.

Прокопий, услышав про съезжий дом, рухнул на колени:

– Помилуйте, ваше благородие.

– Городовые, исполняйте, – приказным тоном велел Яб-

лочков. – Так, теперь что касается вас, господа агенты. По конторской книге и описи икон, что составил господин пристав, проведите розыски в ломбардах, у ростовщиков и известных вам скупщиков краденого.

* * *

1872 год

План завладеть медальоном брата Дерзкий вынашивал с этапа в Сибирь, куда шёл, скованный по рукам и ногам.

До Нижнего Новгорода каторжники и ссыльные ехали по железной дороге. Там их посадили на пароход, на котором они доплыли до Казани, где им положен был отдых в пере-сыльной тюрьме. В таких тюрьмах содержали не только приговоренных к Сибири, но и осужденных по более мелким преступлениям.

Ночью чья-то грязная рука потянулась к медальону на его шее.

– Убери клешню! – рявкнул Дерзкий. – Иначе пальцы откушу.

– Да я только посмотреть, – примирительным тоном сказал щуплый осужденный Петька Малюга, который отбывал тюремный срок за изготовление фальшивых денег. – Там ведь картинка внутри? Так? А на ней офицер с березкой?

– Откуда знаешь?

– Так я этот медальон разрисовывал. Вернее, два их было. Заказчик от чахотки умирал и хотел сыновьям по медальону оставить на память. Из-за болезни уж очень капризным был. Позировать не захотел. Мол, старый уже. А хочет, чтобы сыновья его помнили молодым. Потому принес мне свой юношеский портрет, где он ещё подпоручик и сидит у себя в кабинете, а за его спиной раскрытое окно.

– Знаю я этот портрет, – буркнул Дерзкий.

– Так значит, ты его сынок?

– Не твое собачье дело.

– А шифр-то разгадал?

– Какой ещё шифр?

– Сними-ка медальон.

Дерзкий снял его с шеи. Малюга достал из штанов лупу:

– На, гляди, видишь березу?

– Я её и без лупы вижу.

– А то, что на портрете березы нет, обращал внимание?

Там за окном дорога, вдоль неё деревья, а вдалеке церковь. А на медальоне твой папашка велел нарисовать только березку. Осеннюю, желтую, почти облетевшую. А сколько на каждой из веточек листьев, самолично мне указал.

– Дай-ка лупу.

Дерзкий навел её на березку:

– Вижу восемь парных веток. На самых верхних ветках слева один листок, справа восемь. Чуть ниже слева два, справа восемь. Ещё ниже слева голая ветка, справа пять. В по-

следнем ряду слева опять голая, справа четыре. И что сие значит?

– Дата.

– Дата чего?

– Дата смерти: 1828.05.04 – Одна тысяча восемьсот двадцать восьмой год мая четвертого дня. Именно так дату в документах пишут. И на могилах так раньше писали. Теперь-то наоборот, четвертого мая 1828 года. А на втором медальоне была зашифрована дата рождения. Там то ли тринадцатый был год, то ли четырнадцатый, уже не помню. А бумажку, где записал, давно потерял. Я ведь и могилку искать пытался...

– Зачем?

– Ну как зачем? Папашка твой в ней бриллиантов на сто тысяч спрятал.

– Откуда ты это знаешь?

– Я тогда в ювелирной лавке Брандта художником служил. Твой папашка в ней медальоны и заказал. А незадолго до того он спрашивал у хозяина, сколько весит партия бриллиантов стоимостью в сто тысяч рублей.

– Он её купил, эту партию?

– Не знаю. Во всяком случае, не у Брандта.

* * *

1873 год

Расставшись с Оськой Хвастуном, Дерзкий направился на Николаевский вокзал, где сдал в камеру хранения холщовый мешок с деньгами, похищенными у брата. Потом по Лиговке побрёл в сторону Обводного, размышляя над тем, что же делать дальше?

Эх, знать бы, что брат держит револьвер не в шкапу, а в столе... Хоть и сволочь он последняя, но родную кровь Дерзкий проливать не собирался. Ему был нужен только медальон.

Что ж... Ничего теперь не исправишь. Придется навесить квартиру ещё раз. Таинственные Ефросинья с Иннокентием, так не вовремя появившиеся, увидев труп, наверняка вызвали полицию. А полиция, скорее всего, арестует и кухарку, и дворника. Что Дерзкому на руку.

Обводный канал был чертой, за которой начиналось царство бродяг и нищих. Здесь у них были свои трактиры, «гостиницы» и лавки. В одну из них, торговавшую одеждой, Дерзкий и зашел. Хозяин, кинув взгляд на его драный армяк, с ходу предложил:

– Готов обменять на рубище и полтинник.

Бродяги частенько меняли свою одежду на худшую с доплатой, которую пропивали.

– Нет. Мне наоборот надо. В дворники желаю поступить. Но сперва, сказали, надо приодеться.

– А деньги-то у тебя есть? Ведь и сапоги понадобятся, и спинджак, а ещё теплый кафтан на зиму.

– Зима ещё не близко. Пока без кафтана обойдусь, – сказал Дерзкий, демонстрируя красненький червонец.

Хозяин лавки понимающе усмехнулся – раз кафтан не нужен, значит служить дворником бродяга будет недолго, ровно до того момента, пока какую-нибудь квартиру в доме не обчистит. Порывшись в тюках с тряпьем, купец быстро и недорого приодел Дерзкого. А отсчитав сдачу, тихо шепнул:

– Ежели что, я и слам беру.

Сламом у воров называлась добыча.

– Раз слам берешь, может, и перышками торгуешь? – предположил Дерзкий.

– Для хороших людей найдется всё, – улыбнулся хозяин лавки и достал из ящика конторки связку отмычек, которые преступники именовали перьями. – С тебя ещё пять рублей.

Дерзкий кинул синенькую бумажку и, попрощавшись, снова вышел на Обводный и не спеша отправился обратно на Коломенскую.

* * *

Заняв в трактире тот же столик, за которым сидел утром, Дерзкий принялся наблюдать за домом. Сперва в парадную вошли четверо переодетых агентов сыскной, потом из неё вывели под конвоем кухарку в аленьком платочке и дворника. Следом за ними выскочил франтоватый молодой человек и, свистнув извозчику, велел отвезти на Большую Морскую.

Ещё через полчаса из парадной вышли четверо агентов и разбрелись в разные стороны. Чуть погодя подъехала черная карета, в которую городовые погрузили носилки с трупом. И только после этого дом покинул пристав.

– Квартиру, дверь и ворота во двор опечатать, – приказал он околоточному и строевым шагом отправился в участок.

Когда на колокольне собора пробило четыре, в трактире нарисовался Оська. Погулял он на славу, о чем свидетельствовал подбитый глаз. Дерзкого Хвастун узнал не сразу:

– А чего ты вырядился? Жениться, что ли, собрался?

– Садись.

– Эй, служающий, ну-ка водки, живо, – приказал Оська, удивленный тем, что его подельник, как и утром, попивает чай.

– Приятеля твоего, Прокопия, в участок забрали, – сообщил Дерзкий.

Оська захихикал.

– И кухарку тоже. В доме теперь никого. Самое время туда опять заглянуть.

– Вместе пойдем?

– Нет, я один. Ты на шухере постоишь. Если вдруг опасность увидишь – дворника выпустят или полицейские вдруг вернуться, начнешь громко петь. Я тогда через черный ход уйду.

Оська налил себе рюмку и выпил:

– Пошли.

Дворником Дерзкий переоделся неспроста. На оборванца, открывающего запечатанную полицией дверь, могли бы обратить внимание прохожие и сообщить городовому. А дворник на то и дворник, чтобы двери открывать. Хоть и запечатанные. И хотя отмычки Дерзкий держал впервые в жизни, с замком в парадную справился быстро, да и с дверью в квартиру проблем не возникло. Увиденное в бывшей столовой неприятно его поразило – витрины были варварски разбиты. А это означало, что заклады забрали не полицейские, а воры. И Дерзкий даже знал их имена – Ефросинья и Иннокентий.

Но где искать воришек? На всякий случай он обшарил кухню, вскрыл сундучок с личными вещами кухарки, но медальона так и не нашел. Кто его забрал? Полицейские или воры?

И только портрет отца висел на прежнем месте. Дерзкий сходил на кухню, взял там поварской нож и, вернувшись в столовую, вырезал портрет из рамы. Аккуратно свернув в трубочку, он засунул его в карман дворничьего фартука. Подбрав с пола бланки ломбардных квитанций – авось пригодятся, он вышел из квартиры и, спустившись вниз, сделал знак стоявшему на шухере Оське следовать за ним. Дойдя до Лиговки, Дерзкий зашел в один из её многочисленных трактиров. Хвастун заскочил следом. На этой раз Дерзкий заказал водки и себе.

– Ну что, заклады забрал? – спросил Оська.

– Нет их там.

– Полицейские унесли?

– Нет, воры. Ефросинья и Иннокентий. Знаешь таких?

Хвастун пожал плечами. В Петербурге и в его окрестностях промышляли тысячи мазуриков, со всеми не перезнакомишься.

– Тогда сегодня ты ночуешь в съезжем доме Московской части, – огорошил Оську Дерзкий.

– Что я там забыл?

– Друга своего Прокопия. Узнай у него, как нашли труп, какие ценности из квартиры вынесли...

– Так он и скажет...

– А ты его шкаликом угости.

– А где я его возьму? Винной лавки в кутузке нет, – снова захихикал Оська.

– С собой принесешь. Возле съезжего дома притворишься мертвецки пьяным, обыскивать тебя не станут.

– А что я такого натворю, чтобы меня в кутузку забрали?

– Ничего. Ты разве забыл, что я теперь дворник? Скажу, что ты на улице буянил и господин городской распорядился тебя сюда доставить. Документы у тебя в порядке, завтра с утра отпускают.

– Ну ладно. Раз надо – сделаем. Только сперва надо выпить. И брюхо набить.

Ломбарды Ямской слободы обходил агент, переодетый извозчиком. Все звали его Ефимычем. К ростовщику Сарайкину он пришел, когда на улице стемнело и хозяин запирал ставни.

– Здорово, Ефимыч, – поприветствовал тот сыщика. – Опять что-то ищешь?

– На вот список, погляди. – Агент сунул ростовщику бумагу.

Сарайкин пробежался глазами сверху вниз:

– Нет, ничего такого не видал. Ты ж меня знаешь, Ефимыч, я краденого не беру.

Сыщик был уверен в обратном, но пока ещё ни разу ничего доказать не смог.

– А знаешь, у кого эти вещички украли?

– Мне без разницы.

– У Чванова, у коллеги твоего. А перед этим зарезали его, словно скотину. Чтобы грабить не мешал. И тебя зарежут, если помогать мне не станешь.

Известие об ужасной смерти коллеги произвело на Сарайкина громадное впечатление. Трясущимися руками он стал открывать лавку:

– Погоди, Ефимыч, я, кажется, вспомнил. Как раз сегодня принесли.

Войдя, зажѣг керосиновую лампу, затем открыл одну из витрин и достал из неё икону Смоленской Божией Матери в серебряном окладе.

– Она?

– Похоже, да! Кто её сдал?

– Фроська-крючочница. Я-то ещё удивился: почему ко мне пришла? Завсегда же к Чванову бегала. Объяснила, что выпить надо позарез, а на Коломенскую идти далеко.

– Где Фроська живет?

– В Долгушах угол снимает. Только там её сейчас нет. В трактире она на Воронежской. Завсегда Фроська там, когда у неё деньги на кармане. Пока всё не пропѣет, не уходит.

– А про остальные вещи, – Ефимыч потряс списком, – что-нибудь знаешь?

– Клянусь Богом, ничего.

Сыщик, пристально посмотрев ростовщику в глаза, убедился, что тот не врет: потрясенный убийством Чванова, Сарайкин непременно бы поделился сведениями, если бы они у него были.

– Я в сыскную за подмогой. А ты пока никому про Фроську ни слова. Икону я заберу.

– Конечно, конечно.

Поймав пролетку, Ефимыч уже через полчаса поднимался по лестнице на третий этаж здания, в котором некогда размещалась канцелярия обер-полицмейстера. Но семь лет назад её переселили на Гороховую. А здание на Большой Мор-

ской отдали новому подразделению – сыскной полиции.

Яблочков, бывший сегодня в отделении за главного, все ещё находился в кабинете. Выслушав доклад Ефимыча и осмотрев икону, он отдал приказ подчиненным выдвигаться, и кавалькада пролеток полетела по сонным летним улицам на Обводный.

Трактир оказался забит под завязку, из-за табачного дыма дышать там было нечем.

– Сыскная полиция, проверка документов, – громко крикнул Яблочков, войдя на секунду вовнутрь.

Проверку, чтобы не задохнуться в табачном дыму, устроили на улице, благо вечер был теплым. Среди посетителей трактира выявили двух беспаспортных и трех нищих, не имевших права проживать в столице.

– А где Фроська-крючочница? – спросил Яблочков у последнего вышедшего из кабака. – Говорят, с вами пила?

– На полу лежит, встать не может.

Пришлось заходить. Фроську в чувство привести не удалось. Два полицейских надзирателя подхватили её за плечи и поволокли домой, чтобы устроить там обыск.

Кешка уже спал. Его разбудили. Он с ужасом смотрел на ничего не понимающую мать и на мужчин, которые её привели.

– Что у них из имущества? – спросил Яблочков у хозяйки Натальи Ивановой.

– Какое у нищобродов имущество, скажете тоже... Только

сундук.

– Ключ от него где?

– У мамки на шее, – со скорбным вздохом сообщил Кешка.

– Что в сундуке?

– Не знаю, – соврал Кешка. – Мамка сегодня туда сама что-то клала, без меня.

Яблочков сдернул ключ с шеи Фроськи, подошел, скинул полено, служившее Кешке подушкой, и открыл сундук. Наталья, заглянув в него, охнула:

– Ну и ну!

Кешка тоже изобразил удивление:

– Откуда это?

– Ты разве не знаешь? – с подозрением спросил его Яблочков.

– Нет. Она без меня сегодня по помойкам ходила. Вернулась с набитыми мешками. А что в них, не показала.

И горько заплакал.

Никаких причин арестовывать его не было. И Яблочков оставил мальчика на попечение Натальи и её мужа. Фроську же распорядился доставить в съезжий дом Адмиралтейской части и посадить в камеру для задержанных.

– Как же ты без мамки теперь будешь? – погладила Наталья рыдавшего Кешку, когда полицейские удалились.

– Как-нибудь проживу. За угол у нас вперед уплачено, а на пожрать я завсегда тряпок насобираю. А там гляди и мамку

выпустят.

– Нет, не выпустят. В Сибирь её отправят. И тебя вместе с ней.

– Но она ничего не сделала! Подумаешь, икону продала. Остальное-то, считай, вернула.

– Так она ведь не только ограбила, ещё и убила...

– Нет, неправда, – закричал Кешка. – Чванов мертвый был, когда мы вошли...

– Значит, и ты с Фроськой был, – поняла Наталья. – А почему полицейским соврал?

– Потому что в тюрьму не хочу. Что я там забыл? Ой! А вы меня не выдадите?

– Ну, если отдашь четыре рубля, что у мамки выудил...

– Два, – твердо сказал Кешка.

– Ладно, – сжалилась жена портного.

– Завтра принесу. Я их вне дома спрятал, чтобы мамка не отобрала...

– А ты, я смотрю, паренек-то умный. Далек пойдешь, если не остановят...

– Тетя Наталья, тетя Наталья, а как мне мамку от каторги спасти?

– Не знаю... Были бы вы богачи... У богачей-то особые защитники имеются, аблакатами звать. На суде кого хошь запутают, белое за черное выдадут, а кошку за собаку. Потому-то на каторгах только наш брат-бедняк и сидит. А богачам за убийство вместо каторги орден вручают.

– А что если обратиться к ним, аблакатам? У меня ещё рупь восемьдесят остался.

– Ну что ж, попробуй, – усмехнулась Наталья. – Спи давай, утро вечера мудренее.

* * *

В августе дни ещё по-летнему жаркие, а вот ночи уже холодные. Да и утром, пока воздух не прогрелся, зуб на зуб не попадает.

Дерзкий, карауливший Оську у съезжего дома, успел озябнуть до костей, пока того наконец выпустили. Но вышел тот не один, а в обнимку с Прокопием. Следом за ними появилась в неизменном аленьком платочке Дашка. Дерзкий тут же отвернулся, чтобы, не дай Бог, Прокопий с кухаркой его не узнали. Но Оська так обрадовался, что кинулся к нему с объятиями.

– Нас выпустили. Давай я тебя с другом познакомлю. – Хвастун рукой подозвал Прокопия. – Вот мой друг Толик. А это Прокопий.

– Очень приятно. – Дерзкий, пряча за воротником лицо, пожал Прокопию руку.

– Ты что, тоже дворник? – спросил тот.

– Ага, в Рождественской части.

Прокопий обнял Хвастуна:

– Ну, брат, не забывай, заходи.

Дворник пошел по Коломенской, мазурики – по Кузнечному к рынку.

– Представляешь, меня-то сразу отпустили, стали мы прощаться, и вдруг пристав Прокопия вызвал. Я решил чуток задержаться, узнать зачем. А через секунду и его отпустили. Оказывается, сыскная ночью убийцу задержала. Меня чуть кондратий не хватил. Думал, тебя. Выхожу, а ты тут. Я так рад, так рад...

– А кого сыскная за убийство задержала, не выяснил?

– Крючочницу одну. Фроськой звать. И все заклады у неё нашли.

Дерзкий достал рубль и протянул Оське:

– На.

– Что? Опять рупь? Нет, мы так не договаривались. Ты ведь несгораемый шкап грабанул, я знаю. Деньжат там, говорят, было немерено.

– Если дам больше, всё за день пропьешь...

– То моё дело...

– А так год будешь пить.

– Что, правда?

– А то! Иди давай, отдыхай. Завтра сам тебя найду.

Глава третья

Погода была солнечной, а настроение хмурым. Ведь все друзья-приятели по-прежнему бултыхаются в Финском заливе, и только Володя Тарусов, словно агнец на заклание, бредёт в ненавистную гимназию.

– Мне всего восемь, – напомнил он матери срывающимся голосом, вытирая платочком пот, струившийся из-под фуражки.

– Умоляю, не начинай. За последний месяц все твои аргументы я выслушала сотню раз, – еле сдерживая гнев, процедила Александра Ильинична.

– Женька пошел в гимназию в десять лет...

– И потерял два года... Был бы сейчас уже кандидатом на судебные должности.

Брат Женька Володю и напугал. Оказывается, гимназисты занимаются не только на уроках, но ещё и дома: зубрят латынь, учат наизусть стихи, решают арифметические задачи и каллиграфическим почерком заполняют тетради по чистописанию. И если вдруг чего не сделать, в гимназии тебя на завтра накажут: оставят после уроков сидеть два-три часа, лишив обеда, а коли проступок сочтут более серьезным, то запрут в карцер на весь день или вызовут к директору родителей...

– Но это пустяки! – «успокоил» младшего брата Евгений,

студент третьего курса юридического факультета Петербургского университета. – Когда я пошел в первый класс, нас за провинности розгами били. Но потом государь сие запретил. Теперь разве что линейкой звезданут...

– Линейкой? За что?

– Ну, за подсказку...

Для Володи, самого младшего и потому всеми в семье любимого, телесные наказания были немыслимы. И поэтому последний месяц мальчика мучили ночные кошмары: то он умирал от голода, запертый после занятий в классе, то стая злобных учителей, вооруженных линейками, накидывалась на него в коридоре... Володя тщетно пытался уговорить родителей отложить поступление в гимназию хотя бы на год. Ведь год – это долго, очень долго. А вдруг за это время император запретит сажать детей в карцер и отберёт линейки у учителей?

Но родители остались глухи к мольбам сына. И тогда Володя решил «помочь себе сам», провалив приемные испытания.

– Ты их не бойся, – советовал ему Женька. – Там всякую ерунду спрашивают. Например, что тяжелее, пуд сена или пуд железа?

Конечно, родители сильно расстроятся, если Володя не ответит на столь простой вопрос. И вполне вероятно, даже решат, что он это сделал нарочно. Но Володя, потупив виновато взор, объяснит сей казус охватившим его волнением...

И уже завтра вернется в Терийоки, на залив, к друзьям...

* * *

Княгиню Тарусову у входа встретил лично директор гимназии, пожилой невысокий господин с седыми, зачесанными посередине на пробор волосами. Его отутюженный вицмундир источал табачный аромат и щедро был посыпан папиросным пеплом.

– Ваше сиятельство, для нас такая честь, – склонился он к ручке княгини в длинной до локтя замшевой перчатке. – Евгений ваш – сущий был вундеркинд. Уверен, что и младшенький станет первым учеником.

– Лично я в этом не сомневаюсь. Володя читает с пяти лет. И по-русски, и по-французски, – похвасталась Александра Ильинична.

Володя приуныл, поняв, что вопрос с его поступлением давно решен, а предстоящие испытания не более чем формальность.

– Какой же он милый, – фальшиво улыбнулся мальчику директор и потрепал по волосам. – А как на брата похож. Одно лицо.

Они вместе поднялись на второй этаж, где в длинном коридоре ожидали своей очереди на испытание мальчишки. Кого-то из них привела мать, кого-то отец. Дети были чрезвычайно взволнованны. Одни стояли, закрыв глаза, и шеп-

тали молитву, другие в который раз проверяли знания:

– Севочка! Повтори-ка «Буря мглою...».

И несчастный ребенок начинал скороговоркой бормотать опостылевшие строки.

Появление в коридоре директора родители почтили льстивыми кивками, а шедших с ним Тарусовых проводили злобным шепотком:

– Дочь миллионщика Стрельцова.

– Жена князя Тарусова.

– Того самого? Адвоката?

– Да-с.

– Таких берут без экзаменов.

– Ишь, уже и форму сыну купила.

– Арнольд Христофорович, а нельзя ли нам пройти испытания без очереди? – попросила княгиня, фраппированная шушуканьями за спиной. – Нам ещё в Пассаж за учебниками. И батюшку надобно навестить, почти месяц не видались.

– Конечно, конечно, – снова расплылся в улыбке директор и открыл дверь класса.

– Ну-с, прошу, – пригласил он Володю.

– Сейчас моя очередь, – тихо, но с достоинством произнес худенький мальчик в круглых очках, стоявший у двери.

– Неужели? – с ехидством спросил директор и выхватил экзаменационный листок, который сжимал в руке очкарик. – Федор сын Игнатьев Липов, из духовенства, кандидат на казеннокоштное место.

За обучение большинства гимназистов платили их родители. Однако были и те, кто учился за государственный счет. Называли таких казеннокоштными.

– Ну раз твоя очередь, проходи и ты, – совсем не подобному, вовсе не так, как Тарусовым улыбнулся очкастому директор.

Мальчишки вошли в класс, где за кафедрой восседал рыжий господин в пенсне и, самодовольно ухмыляясь, оглашал вердикт очередному претенденту, лопоухому парнишке в заношенной куртке и в стоптанных башмаках:

– Гимназия принять вас не может. Ваших знаний для обучения недостаточно.

– Но... – У ребенка навернулись слёзы.

– Приходите в следующем году. – Рыжий господин левой рукой сделал жест, мол, убирайся, разговор закончен, а правой поднес ко рту стакан чая. Но вдруг, заметив входящего в класс начальника, подскочил с места, едва не облившись кипятком.

– Арнольд Христофорович, Бога ради, простите, не заметил вас...

– Господин директор! Испытайте меня! Умоляю! Я всё знаю! – кинулся к нему лопоухий.

– Пшел вон! – гаркнул Арнольд Христофорович.

Лопоухий, утирая слезы, выскочил из класса, хлопнув напоследок дверью.

– Сын разносчика, – с нескрываемым презрением сооб-

шил директору рыжий.

Разносчиками называли мелких торговцев, что ходили по квартирам, продавая продукты тем кухаркам, которым было лень самим посещать рынок.

– А вот вам на закуску попович, – усмехнулся директор, подтолкнув к рыжему Липова.

Поповичами называли сыновей священников.

– Прозкзаменуйте-ка его, а я займусь этим замечательным юношей. – Арнольд Христофорович сел за парту в первом ряду, указав Володе Тарусову на соседнее место. – Итак, мой друг, какой сегодня день недели?

Столь простого вопроса Володя уж никак не ожидал и потому запнулся с ответом. Изображать из себя круглого идиота ему точно не хотелось. Но и правильно отвечать было нельзя. Что же сказать? Что? Внезапно вспомнив вечно пьяного Степаныча, сторожа на пляже в Терийоки, он с удовольствием огласил любимую им прибаутку:

– Опца-дрица, оп-ца-ца, вот и тятница пришла!

– Кто пришла? – искренне удивился директор.

– Пятница, – гордо объявил Володя.

– Сегодня не пятница, а понедельник, – неожиданно возразил мальчик в круглых очках.

– А вас, Липов, не спрашивают, – одернул его рыжий. – Вспомните-ка лучше, как звали полководца, что родился на Корсике, носил треуголку и умер на острове Святой Елены?

Володя едва не выкрикнул «Наполеон», но вовремя себя

сдержал. Если валять дурака, то до конца. Иначе директор ни за что не поверит, что Володя – неуч.

Однако Федя Липов ответа явно не знал. Он долго молчал, переминался с ноги на ногу, а потом неуверенно выпалил:

– Александр Македонский...

– Александр Македонский носил шлем, – усмехнулся рыжий.

– Что ж, перейдем к арифметике, – произнес Арнольд Христофорович. – Что тяжелее: пуд сена или пуд железа?

Тарусов не успел и рта раскрыть, собираясь ответить, что железо, как Липов огласил:

– Пуд он и в Африке пуд. Вес у них одинаковый.

– Вас про то не спрашивали. И раз вы такой умный, – рыжий снова хмыкнул, – сосчитайте-ка: кружка молока стоит две копейки, сколько кружек можно купить за пять?

– Две, – с ходу ответил Липов. – И ещё копейка останется.

Директор и рыжий громко рассмеялись:

– Неправильно, – уняв смех, огорошил Липова Арнольд Христофорович.

– Как? Почему? – дружно удивились мальчики.

Липов даже расчет привел:

– Дважды два четыре. Пять минус четыре – копейка.

– На которую, между прочим, можно купить ещё полкружки, – ехидно заметил рыжий. – Ну и последний вопрос.

– Позвольте сперва я, – попросил директор. – Петух Ивана

снёс яйцо на огороде у Петра. Кому принадлежит яйцо?

– Ну... – Володя опять задумался. Загадки этой он не знал. И чуя подвох, хотел сперва додумать правильный ответ, чтобы затем выдать заведомо неверный.

Но Липов снова его опередил:

– Петух яйца не несет.

– Кто тебя спрашивал? – накинулся на него Арнольд Христович и обратился к рыжему: – Сергей Данилович, прошу, сделайте так, чтобы этот отрок нам не мешал.

– С превеликим удовольствием. Итак, Липов, последний вам вопрос. Яйца стоят две копейки за штуку. Сколько их можно купить на двадцать пять копеек?

Володя сразу понял, в чем подвох – ведь предыдущая задача была про молоко, которое можно было поделить на половинки кружек. А вот яйца так не разделишь. Не будь предыдущей задачи, Липов ответил бы правильно, но из-за волнения попался на уловку хитрого экзаменатора:

– Двенадцать с половиной.

– Что ж, юноша, приходите на будущий год, может, тогда судьба улыбнется и вам.

– Но...

– Пшел вон... Ну а вас, Тарусов, жду завтра к девяти утра на занятия, – сказал директор Володе, краем глаза наблюдая, как Липов, стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, покидает кабинет.

– Это нечестно, несправедливо, – заявил Володя. – Я не

ответил ни на один вопрос...

– Липов тоже...

– Но он ответил на мои...

– В гимназии надо отвечать лишь на те вопросы, что заданы лично вам. Запомните это. Всё, Тарусов, идите, обрадуйте вашу мать.

Володя выскочил из кабинета, не попрощавшись и не поблагодарив преподавателей.

– Ну что? Приняли? – спросила Александра Ильинична.

– Учиться здесь я не буду. Ни за что...

– Ты опять за свое?

– Потому что вон того мальчика, – Володя указал на уткнувшегося в материнское платье Федю Липова, – завалили. Нарочно завалили. Он ответил на все вопросы, которые задали мне. А я не ответил. Меня приняли, а его нет. Это нечестно. Я не желаю тут учиться...

– Действительно нечестно. Если я добьюсь, чтобы... как его там?

– ...Липова...

– ...приняли в гимназию, ты наконец перестанешь выкаблучиваться?

– Обещаю, – вздохнул Володя.

– Тогда подойди к своему Липову и попроси их с мамой задержаться. Я мигом.

Княгиня подошла к двери в класс и, постучавшись, открыла её:

– Арнольд Христофорович, можно вас на пару слов?

– Разумеется, ваше сиятельство. Пройдемте в мой кабинет.

* * *

Володя подошел к Феде, которого, как могла, успокаивала его мать:

– На будущий год ещё разок попробуешь. Но ежели и тогда не примут, что ж поделать, пойдешь в семинарию.

Липов завыл:

– Не хочу в пономари...

– Так и не надо. Если будешь там хорошо учиться, в академию тебя возьмут. Как брата моего двоюродного. Сам потом будешь в семинарии преподавать...

– Эй! – Володя дернул Липова за рукав.

Тот обернулся:

– Чего тебе?

– Меня Володей звать, – протянул руку Тарусов.

Липов демонстративно спрятал свою за спину.

– Ну ты чего? – удивилась его родительница.

– Это тот самый мальчик, которого приняли вместо меня.

– Моя мама просит вас её обождать, – сказал Володя.

– Ещё чего! Матушка, пойдете отсюда, – стал тянуть родительницу за рукав Липов.

– Ну... это невежливо. Обождем, раз просили, – не согла-

силась с сыном попадья. – Так ты Володя? А я тетя Настя. А он Федя.

– Для кого Федя, а для некоторых Федор Игнатьевич.

– Очень приятно, Федор Игнатьевич, – сказал в тон Володя. – Меня можете называть «вашим сиятельством».

– Чего, чего?

– Для некоторых я князь Тарусов.

– Врешь!

– А я ведь тебе говорила, – встряла в мальчишескую перебранку матушка Липова. – В этой гимназии учатся одни графья да князья. Нам они не чета.

* * *

Тем временем княгиня Тарусова на повышенных тонах беседовала с директором:

– По словам моего сына, Липов ответил правильно на все вопросы, что задавали Володе.

– Но не ответил на заданные персонально ему.

– Потому что вы нарочно его заваливали.

– А что прикажете делать? Казеннокоштных мест мало, желающих много. Сыновья приказчиков, извозчиков, попов... Тьфу! Нет уж! Мы берём только приличных, только детей обедневших дворян.

– Но...

– Ну, вы же первой начнете возмущаться, ежели ваш сын

окажется за партой с сыном кухарки.

– То есть моего сына вы приняли?

– А как же.

– Значит, должны принять и Липова. Он правильно ответил на те же вопросы! Должна же быть справедливость.

– При всем уважении, ваше сиятельство, нет, никак не могу, все казеннокоштные места уже заняты.

– А места за счет благотворителей?

Состоятельные люди часто жертвовали гимназии суммы, на которые обучались неимущие.

– Увы, и они тоже.

– Тогда я учреждаю стипендию своего имени. И первым моим стипендиатом будет Липов.

– Хм... Требуется решение попечительского совета...

– Значит, собирайте свой совет и решайте, а я пойду обрадую несчастного ребенка. – Княгиня решительно встала и пошла к выходу.

– Александра Ильинична, – уже у двери окликнул её Арнольд Христофорович.

– Что ещё?

– Простите, но вы не сообщили форму обучения вашего стипендиата: полный пансион, полупансион или приходящий?

Приходящие жили дома и в гимназию являлись только на уроки. На полупансион обычно поступали дети, хоть и жившие в Петербурге, но далеко от гимназии – и чтобы каждый

день не тратить время и деньги на дорогу туда-обратно, они в учебные дни ночевали в гимназии и только на выходные возвращались в семьи. На полный же пансион поступали иногородние, которые уезжали домой лишь на каникулы.

– А на какую форму обучения подавали Липовы?

– Приходящий...

– Зачем тогда глупости спрашиваете? Сами могли бы догадаться.

Быстрым шагом пройдя по длинному коридору, княгиня подошла к детям.

– А вот и мама! – обрадовался Володя.

– Так это ты Федя Липов? – потрепала Александра Ильинична макушку своему стипендиату.

– Он не Федя, а Федор Игнатьевич, – усмехнулся Володя.

– Ну что ж, Федор Игнатьевич, ты принят в первый класс.

– Правда? – не веря своему счастью, переспросил Липов.

– Правда.

– Ура! – закричали мальчишки.

Под завистливыми взглядами сидевших в очереди Липовы с Тарусовыми направились к выходу.

– Александра Ильинична, – представилась княгиня матушке своего стипендиата.

– Настя. То бишь Анастасия Григорьевна, – поправились Липова.

– Надеюсь, у вас есть деньги на форму и учебники?

– Ну раз такое дело, займем. Приход-то у нас небогатый,

с хлеба на квас перебиваемся.

– И где ваш приход?

– А недалече. Церковь Симеона и Анны. Мы-то Федю сперва в семинарию собирались отдать, – призналась Липова. – А тут слух прошел, что теперича после семинарии надо сперва пять лет отслужить пономарем и только потом посвящение в сан. Куда ж такое годится? Пономари ведь копейки получают. Вот и решили в гимназию поступать. Наняли Феде учителя. Божился, что подготовит. И были уверены, что поступит. А он весь в слезах вышел. Спасибо, ваше сиятельство, что директора переубедили.

Княгиня раскрыла ридикюль и вытащила оттуда три червонца:

– Давайте-ка я вам деньги одолжу...

– Нет, нет, ну что вы?

– Пока вы найдете, у кого занять, все лавки закроют.

– Ваша правда. Но как-то неудобно. Мы едва знакомы.

– Мы-то да. А дети, глядите, уже подружились.

Володя с Федей как раз обнялись на прощание:

– Да завтра, Федор Игнатьевич.

– Да завтра, ваше сиятельство.

* * *

В девять утра в камере осталась только Фроська, которую товарки по несчастью будить перед уходом не стали. Пусть

проспится. Ведь она им не чета, задержали её не за нищенство или мелкое воровство, а за убийство с грабежом. Каторга ей светит. Пусть отдохнет горемыка перед судом и этапом.

Проснулась крючочница в десять. Сперва не поняла, где находится. Потом, увидев чайник, жадно из него напилась. Оглядевшись, узнала камеру съезжего дома Адмиралтейской части, в которой из-за пьянства уже бывала. Интересно, за что её забрали в этот раз? Опять за скандал в трактире? Почему тогда не отправили со всеми в сыскную?

Лязгнули замки. В камеру зашел надзиратель.

– Ну? Проснулась? Тогда пойдем. Яблочков велел, как глаза откроешь, сразу к нему. Пока ты ещё тепленькая.

– Яблочков? Это ещё кто?

– Неужто не слыхала? Второй человек в сыскной...

– И на кой я ему?

– Сперва допросит, потом в съезжий дом Московской части отправит, по месту совершения преступления. До суда побудешь там.

– До какого суда? Ты что несешь? Я разве убийца какая?

– А разве нет? У кого заклады убитого ростовщика нашли?

– Ой! Их нашли? Господи! А Кешка где?

– Какой такой Кешка?

– Сынок мой.

– Про него не знаю. Одну тебя привезли. Ну вставай, пошли.

Яблочков со вчерашнего вечера пребывал в превосходном настроении – раскрытие убийства ростовщика Чванова, причем раскрытие моментальное, гарантировало ему или повышение в чинах, или орден, а может, и то, и другое. Дело осталось за малым – привести пьянчужку Ефросинью Соловьеву к признанию.

В пол-одиннадцатого крючочницу привели к нему в кабинет.

– Хочешь похмелиться? – задумчиво спросил Арсений Иванович, доставая полуштоф.

Ефросинья облизнулась, затравленно глядя на бутылку. Выпить-то хотелось – её отравленный вчерашней гульбой организм настойчиво требовал водки. Но Ефросинья знала – даже от рюмки она опьянеет, а спьяну может наболтать лишнего. А болтать ей теперь нельзя. Какая бы ни была она пьянчуга, прежде всего она мать, живет ради Кешки. И сейчас ей надо выпутать его из истории с убийством. Сама-то Фроська уже пропащая – раз в её сундуке нашлись заклады Чванова, каторги ей не миновать.

– Благодарствую, в другой раз, – пересилив себя, отказалась Фроська.

– Ну, как знаешь, Ефросинья, дочь Пахома Соловьева. Так ведь тебя звать?

– Все верно.

– Из крестьян Олонецкой губернии. Не замужем. Однако сына имеешь, – зачитывал Яблочков строки из паспорта Фроськи. – А от кого?

– Вас, мужиков, разве всех упомнишь? – подмигнула сыщику крючочница. – А где Кешка?

– Кто, пардон?

– Сынок...

– Ах, сынок. Дома, где ж ему быть. Сказал, что знать не знает, откуда ценности в сундуке. Грамоту знаешь?

– Нет.

– Тогда ставь крестик. – Яблочков протянул крючочнице исписанный убористым почерком листок.

– Что это?

– Твои признания. Подробный чистосердечный рассказ, как ты пришла к Чванову, как его убила...

– Не убивала я, ваше благородие, святой истинный крест...

– А вот врать я тебе не советую. Если подпишешь прямо сейчас, попадешь в съезжий дом Московской части к обе-
ду. Будешь тянуть каучук, не только обед, но и ужин пропустишь.

– Чванова убили до нас... Мы только украли.

– Что значит мы? Выходит, и сынок был с тобой?

– Нет! – заорала Фроська.

– Придется его задержать. Сколько ему лет? – Яблочков

ещё разок заглянул в паспорт, где был вписан Кешка. – Ах, десять. Вот и отлично. Значит, вместе на каторгу загремите. Ответственность-то с десяти лет начинается. Ох, и несладко ему там будет.

– Не ходил он к Чванову... Я сама. Одна. Но видит Бог, не убивала. Дверь в фатеру была открыта, я и зашла. Услышала разговор. Двое их было. Чванов и ещё один. Наверно, клиент. «Помнишь, – спросил клиент, – березу?» «Конечно, помню», – ответил Чванов. «Так вот листики – это шифер».

– Что за бред? – удивился Яблочков.

– Не знаю. Кешка тут как раз чихнул...

– Значит, все-таки Кешка там был...

– Нет! Нет! Не было его! Давай бумагу, всё подпишу.

Яблочков призадумался. Два обвиняемых, конечно, убедительнее, чем одна Фроська. Присяжные ведь могут и усомниться, что тощая баба с трясущимися от пьянства руками умудрилась заколоть отставного офицера, вооруженного револьвером. Однако второй обвиняемый, десятилетний мальчуган, непременно вызовет у присяжных жалость. Особенно если адвокат расстарается. И дело тогда развалится. А градоначальник за это всыплет. И не Крутилину, а ему, Яблочкову, якобы раскрывшему дело.

– Подписывай. Но запомни. Если вдруг опять начнешь тень на плетень наводить, рядом с тобой на скамью подсудимых сядет Кешка.

– Знаю. Давай бумагу. И стакан налей, раз обещал.

Уже через десять минут полицейская карета увезла пьяную Фроську на Загородный проспект в съезжий дом Московской части.

В одиннадцать на службу приехал начальник сыскной Крутилин. Яблочков первым делом доложил ему об успешном расследовании.

– Отлично. Молодец. Теперь есть чем порадовать градоначальника.

– Доклад ему, как обычно, в час пополудни?

– Да, ступай, надо подготовиться...

* * *

Братья Чвановы были не похожи. Ни внешне, ни по характеру.

Младший, Александр, пошел в мать. Скрытный, спокойный, дрожавший над каждой копейкой, после смерти Ольги Аркадьевны он подал в отставку и занялся вместе с отчимом ростовщичеством. Старший, Анатолий, был копией отца. Решительный, волевой. Братья с юных лет друг друга недолюбливали. Даже кулёк конфект никогда не могли поделить. Анатолий съедал свою долю сразу, Александр же удовольствие растягивал, что неминуемо приводило к конфликтам.

– Отдай конфекты мне, раз не хочешь, – требовал Толик.

– Я их потом съем, – возражал Александр.

– Ах так? Не хочешь делиться?

Дело обычно заканчивалось дракой, в которой побеждал старший, наглый и дерзкий.

* * *

Дерзкий снова отправился к маклаку, который вчера при-
одел его дворником.

– А, привет, заходи, – обрадовался приходу босяка лавоч-
ник. – Что? Слам принес?

– Нет! Приодеться снова надо.

– Кем на сей раз? Извозчиком, половым, мастеровым?

– Согласно паспорту, – усмехнулся Дерзкий, – мещани-
ном города Гдов Псковской губернии.

Паспорт этот он украл в железнодорожном вагоне третье-
го класса по дороге из Москвы в Петербург.

– Тогда примерь сей сюртук. А сверху напяль этот картуз.
Отлично! Как влитой. Бороду бы тебе подстричь, мещанин
города Гдов...

– Без тебя знаю. Сапоги давай.

– Яловые, козловые?

– А, всё равно. Главное, чтоб хромовые.

Яловые сапоги делали из говяжьих шкур, козловые – из
козлиных. Но вне зависимости от происхождения ценились
те, которые для улучшения водонепроницаемости были об-
работаны раствором хрома.

– Не хочешь ли офицерские?

Лавочник вытащил из одного из ящиков начищенные до блеска сапоги, точь-в-точь такие, что некогда, в бытность офицером, носил Дерзкий. Сев на стул, Чванов их примерил.

– Будто мои, – прошептал он. – Теперь штаны.

Перемерив полдюжины, выбрал серые из английской шерсти.

– Одевание дворника готов зачесть за полцены, – сообщил лавочник.

– Ещё чего, – хмыкнул Дерзкий. – Заверни его в узел, с собой заберу.

– Как скажете, – неожиданно для самого себя перешел на «вы» лавочник.

А всё потому, что одежда Дерзкого преобразила. Из бродяги он превратился... Лавочник сказал бы, что в очень опасного человека. Возможно, даже в убийцу.

– Сорочки свежие есть?

– А как же. Вот здесь вашего размера. – Лавочник тут же выложил дюжину.

– Беру все. А где ближайšie бани?

– По Лиговке, по четной стороне, недалеко от Чубарова переулка.

Рассчитавшись, Дерзкий отправился мыться. К его удивлению, в здешних банях имелось отделение для благородных. Чванов бросил на стол кассира трешку, оплату за пару часов пребывания там.

– А вы точно дворянин? – с сомнением, глядя на одежду и растительность на лице Дерзкого, уточнил он.

Чванов кинул ещё трешку.

Мылся он долго, с упоением, счищая пемзой въевшуюся за долгие месяцы грязь. Из бань отправился к цирюльнику, который окоротил ему волосы и бороду.

– Ну-с? Довольны? – спросил парикмахер, закончив работу.

Дерзкий взглянул в зеркало и увидел совершенно незнакомого ему человека: угрюмого, помятого жизнью, с холодным колючим взглядом. Никто бы не узнал теперь в нём недавнего офицера.

– Отлично, – похвалил цирюльника Дерзкий.

От него направился на Знаменскую улицу. Из-за близости Николаевского вокзала здесь располагалось множество гостиниц – от фешенебельных до непритязательных. Дерзкий выбрал попроще из-за боязни столкнуться со знакомцами из прежней жизни. Конечно, после этапа, каторги, побега и долгого конного пути из Кяхты в Нижний Дерзкому до боли в печенках хотелось кутнуть. Да и деньги после убийства брата имелись.

– Нет! – сказал Дерзкий сам себе. – Вот найду наследство, тогда и погуляю. И не здесь. В Париж махну или в Баден-Баден. Тут опасно. Очень опасно.

По иронии судьбы скромные меблированные комнаты с ватерклозетом в коридоре гордо назывались «Баден-Баден».

Тамошний портъе пообещал вернуть паспорт после прописки завтра утром, а расторопный коридорный мигом притащил самовар со свежей сдобой из немецкой кондитерской, что напротив. Перекусив, Дерзкий отправился на Большую Морскую, самую дорогую улицу столицы, на которой, к удивлению приезжих, располагалась сыскная полиция, куда каждое утро со всего города приводили всех задержанных за сутки оборванцев и воришек.

Как же ему проникнуть в камеру вещественных доказательств, где среди чужих закладов валяется медальон с портретом его отца?

После суда над Фроськой все похищенные ею вещи отдадут племяннику Дерзкого Ивану. Вернее, не ему, он несовершеннолетний, а его опекуну. Но это случится через полгода, не раньше. А у Дерзкого нет ни времени, ни терпения ждать. К тому же его ищут. Пусть он и не похож на себя прежнего, но если взглядеться, да повнимательнее...

Свернув с Невского на Большую Морскую, Дерзкий продефилировал по её нечетной стороне до Исаакиевской площади, где, перейдя дорогу, пошел обратно, размышляя над предложением появления в сыскной. Риск, конечно, был велик. Чрезвычайно велик! Числится Дерзкий в циркулярном розыске, то есть ищут его полицейские по всей стране. И у питерских сыщиков наверняка имеется его фотографический портрет, сделанный в пересыльной тюрьме перед отправкой на каторгу. Однако ищут они не только его. Каждый год из

Сибири сбегают десятки каторжников и ссыльных. И в лицо их ни одна ищейка запомнить не может. Да на фотопортретах все они словно сиамские близнецы, в одинаковых тюремных халатах, с бритыми волосами на полголовы (у каторжников сбрасывали правую сторону, у ссыльных – левую).

Нет, ныне, когда волосы обросли, да ещё борода прибавилась, Дерзкого узнать не должны.

– Да и кличку мне не просто так дали. Потому что плевал я на все опасности...

Дойдя до парадного входа в дом под номером двадцать два, Толик Дерзкий толкнул дверь, решительным шагом вошел внутрь и поднялся на третий этаж. Дополнительную уверенность придавал купленный только что в лавке на Невском револьвер системы «КОЛЬТ».

Глава четвертая

Кешка в предыдущую ночь никак не мог заснуть. Все-таки мать он любил, очень любил. Пусть и пьяница, пусть часто скандалила, а иногда и дралась, но Фроська была единственным на свете родным человеком. И хоть слабой, но защитой и опорой. Теперь же он остался один-одинешенек в том ужасном мире, в котором довелось ему родиться. И хотя он почти взрослый, ведь ему уже десять, постоять за себя он пока не может. Потому что любой, кто чуть выше и старше, сильнее. И значит, выживать ему придется умом и хитростью.

Чем-чем, а хитростью Господь Кешку не обделил.

Как бы всё-таки заснуть? Ведь завтра снова на помойки, искать кости и тряпки. Ох, если Наталья пожалела бы его и не стала деньги вымогать ... Два затребованных ею рубля напроць перечеркивали Кешкину мечту – стать тряпичником.

Тряпичники, в отличие от крючочников, не рылись в отбросах, надеясь на удачу, а покупали товар у солидных продавцов: лакеев, кухарок и горничных. Всё те же самые кости, лоскутки и бутылки, но кроме того, ещё и старую одежду с обувкой, которую после ремонта и перелицовки можно втридорога загнать на Толкучем рынке. То бишь – Кешка стал загигать пальцы для счета – имевшиеся четыре рубля за пару недель при удаче можно было бы превратить в десять и ещё

два рубля. Почти состояние. Но рупь восемьдесят, оставшиеся у него, сумма ничтожная, Кешка это знал – с такими капиталами соваться к лакеям и кухаркам бессмысленно.

– Эй, Гришка, ты спишь? – тихо спросила мужа Наталья, когда тот, перевернувшись на спину, перестал вдруг храпеть.

– Что? Я? Прочь с дороги! – закричал спросонья портной Иванов, зарабатывавший себе и семье на жизнь как раз перелицовкой старой одежды для тряпичников.

– Тихо ты, не ори, – зашептала Наталья. – Не дай Бог разбудишь...

– Твоих живоглотов?

– Они такие же твои, как и мои. Нет, я про Кешку...

– А что с ним? – спросил Гришка, который вроде бы и проснулся, но, похоже, не до конца.

– Он выманил у Фроськи четыре рубля...

– Ну?

– И где-то припрятал.

– Ну?

– Два обещал мне...

– Хорошо...

– Чего тут хорошего? Четыре лучше, чем два.

– Так заставь отдать оставшиеся...

– Заставь... То-то ты его не знаешь? Хитер не по годам.

Я вот что придумала. Утром, как проснется, напомним ему, чтобы рассчитался. А сама схожу за ним и прослежу, тайник его выведаю. А потом в сыскную пойду, к этому Яблочкову,

выдам ему Кешку, расскажу, что вместе с Фроськой он убил Чванова...

– Как-то оно не по-людски. Мы вроде не чужие...

– Может, дети наши тебе чужие? Сам прикинь. Два лишних рубля заберем с Кешки. Полтора рубля сдерем с новых жильцов.

– С кого, с кого?

– Фроська-то с Кешкой отправятся на каторгу, а за будущий месяц у них уплочено. Понял?

– Теперича да.

– А ещё сундук ихний продадим. На каторге он им ни к чему...

Гришка, обдумав услышанное, обнял супругу:

– Как хорошо, что я на тебе женился. Мог ведь и дуру какую в жены взять. Уж свезло, так свезло.

Польщенная Наталья чмокнула мужа и легла досыпать, ведь в Петербурге летом светает рано.

А сразу после рассвета в их доме началась обычная шумная суeta – нищие торопились в церковь к заутрене; савотейщики, те же нищие, но собиравшие подаяние не монетой, а хлебными горбушками – в многочисленные булочные и пекарни; фабричные шли на заводы; а крючочники – на свои помойки.

Встал и Кешка, так и не сомкнувший за ночь глаз.

– Ты два рубля мне обещал, – напомнила Наталья.

– Раз обещал, значит, отдам, – буркнул Кешка.

– Ежели до полудня не принесешь, пеняй на себя, – пригрозила мальчику квартирохозяйка.

Кешка вышел на лестницу, где размещались «удобства», опорожнил мочевой пузырь, после чего спустился вниз и, пройдя пару шагов по Воронежской улице, зашел в размещавшуюся в этом же здании чайную, в которой обычно завтракали обитатели дома.

Каким-то чудесным образом все они уже знали о ночном аресте Фроськи. Кто-то разглядывал Кешку со злорадством, кто-то с сочувствием, но лишь крючочница Анфиска пригласила его к себе за стол:

– Садись, сиротка. Что? Угостить тебя?

– Благодарствую. Не откажусь, – присел на скамью Кешка и вдруг не выдержал, горько заплакал.

Анфиска погладила его по курчавым непослушным волосам:

– Не надо, не кручинься, Генерал, – такая была у Кешки кличка. – Видно, на роду твоей мамке каторга написана, судьба её такая. На вот, держи гривенник, сходи за пирожками.

Начинку для пирожков в чайной делали из объедков лиговских трактиров. Однако Кешка-Генерал всегда уплетал их с удовольствием, потому что были они нажористы и не вызывали изжоги, в отличие от пирожков с такими же объедками, что продавались в чайной напротив.

– Брат у меня старшим дворником служит в гимназии, –

сообщила шепотом Анфиска. – Завтра занятия там начинаются. Барчуки с вакаций вернулись.

– Откуда, откуда?

– Отдых у них так называется... И отчего они только отдыхают? Ведь ничего же не делают. За партами сидят, учителей слушают. Ладно, то не наше дело. Зато костей в гимназии каждый день полпуда.

– Врешь!

– Чтоб мне провалиться! Раньше-то туда сама ходила, но теперь, когда Лука Иваныч...

На глазах Анфиски навернулись слезы. Мужа её, Луку Ивановича, нынешней весной, когда всю цвела сирень, схватил кондрашка, отчего он и помер.

Кешка долго не мог понять, как мог неведомый Кондратий схватить крепкого ещё Луку Ивановича, чтобы тот, вместо того чтобы двинуть ему в морду, взял и окочурился. Мать, смеясь, объяснила, что кондрашкой называется внезапная болезнь, когда шел себе человек, а потом раз, и помер.

– Ходить в гимназию теперь не смогу... – утерла слезы Анфиска.

– Почему? – уточнил Генерал, опасаясь подвоха.

– Потому что другой мой брательник дворником в Кадетском корпусе служит. И там этих костей не полпуда, а два. Лука оттуда их вывозил. Теперь придется мне. Но и кости из гимназии не хочется терять. Понимаешь, к чему клоню?

Кешка кивнул.

– Готова отдать тебе гимназию за две трети выручки. Что скажешь?

Кешка ответил Анфиске с достоинством:

– Благодарю. Подумаю.

– Что? Цену набиваешь? Черт с тобой, за половину.

– Нет, за треть. У меня тоже ноги не казенные.

– Ладно, пошли, познакомлю с братом. Ему полтину в день, ну а мне треть выручки.

– Сейчас не могу. Дела.

– Понимаю, мать надо навестить... Давай-ка встретимся в полдень у гимназии, что у Пустого рынка. Знаешь, где?

– Да, в Соляном переулке. А можно...

Кешка в окно хорошо видел поджидавшую его Наталью, которая для видимости болтала с соседками по дому.

– Что?

– Сундук наш в твой сарай перенести?

В отличие от Фроськи, Анфиска с Лукой продавали ма-клакам свою добычу не каждый день, а раз в неделю. И для хранения костей арендовали во дворе дома небольшой сарай, который запирали на навесной замок.

– Да не вопрос. На, держи ключ.

Кешка дождался, пока Анфиска доест и уйдет из чайной, а потом, расплатившись с буфетчиком за еду, отправился на улицу. Наталья стояла в отдалении и по-прежнему точила лясы с подружками. Кешка пошёл во двор, краем глаза заме-

тив, что квартирохозяйка, попрощавшись с товарками, осторожно двинулась за ним. Улучив мгновение, когда он находился вне её зрения, Генерал подбежал к пожарному ящику, открыл его и зачерпнул горсть песка. Далее он шел медленно, то и дело озираясь, чтобы Наталья, наблюдавшая за ним из-за угла, поверила, что он идет к тайнику.

У Анфискиного сарая Кешка еще раз огляделся по сторонам и, будто убедившись, что никого нет, достал ключ, открыл сарай и зашел внутрь.

– Вот же холера, – прошептала Наталья, пару раз бывавшая у Анфиски в сарае и знавшая, что тот доверху завален всяким хламом. – Нашел, где деньги спрятать. Что же делать? Придется отобрать у Генерала деньги силой. А заодно и ключ от сарая. Запру его там, а сама в сыскную...

Наталья быстрым шагом пересекла двор.

В правой руке у Кешки был зажат песок, а левой он якобы шарил внутри костей, сваленных в дальнем углу сарая, который не просматривался от двери. Мальчику нужно было заманить Наталью вовнутрь. И это ему удалось. Услышав торопливые шаги и характерное покашливание, он запел песню каторжников, которых они с мамкой как-то встретили у Николаевского вокзала:

*Ах дербень-дербень, Калуга,
Дербень Ладога моя,
Кто на Ладоге бывал,
Кто про Ладогу слышал.*

– Ой, кто здесь? – спросил Кешка, когда Наталья зашла в сарай.

– Это я, Кешенька. А ты что тут забыл?

– Я-то? Ничего...

– Зачем врешь? Я ведь теперь тебе как мать. – Наталья медленно приближалась к мальчику. – Ах вот где у тебя тайник! А ключ от сарая где взял? У Анфисы украл?

– Но ты ведь Анфиске не скажешь?

– Конечно, не скажу...

Наталья схватила Кешку за ухо, он взвизгнул.

– Деньги давай, живо.

Кешка кинул ей песок в глаза. Наталья взвыла и отпустила его. Мальчонка быстро добежал до двери, закрыл её и навесил замок.

Первая часть его плана удалась.

Теперь надо было выманить Натальиною мужа. Гришка редко покидал жилище, потому что портняжным ремеслом занимался на том самом столе, на котором ночью спал с женой и детьми.

Что бы придумать?

Забравшись на дуб, Кешка забрал из тайника деньги. Затем вернулся к дому, поднялся на четвертый этаж и зашел в комнату. Гришка корпел над заплатками, которые пытался приладить на протертые до дыр штаны. Его детки ползали под столом, играя обрезками тканей.

– А где тетя Наташа? – окликнул портного Кешка.

Тот, услышав его голос, вздрогнул:

– Она... Ты разве не видал её? За тобой пошла...

– Нет, – простодушно улыбнулся Кешка. – Я ведь денег ей должен, зашел, чтоб отдать...

Портной оживился:

– Так оставь, я передам.

– А не пропьешь?

– Ну что ты? Разве можно...

– Точно?

– Ты ж меня знаешь...

Кешка действительно прекрасно знал, что Гришка давно бы спился, кабы не Наталья, державшая благоверного в ежовых рукавицах. Даже с его заказчиками договаривалась и рассчитывалась лично она, не доверяя мужу ни копейки. Кешка был уверен, что, получив от него полтинник, Гришка тут же забудет и про заплатки, и про детей и побежит в трактир.

– Тогда держи, – кинул портному монетку Кешка.

Гришка ловко её поймал:

– А почему только полтина? Наталья говорила, два рубля вернешь.

– Остальное отдам ей лично. Ну мне пора.

Кешка, выйдя за дверь, поднялся по лестнице к чердаку и принялся ждать. Гришка вышел буквально через минуту после него. Проводив портного взглядом, Кешка вернулся в

квартиру. Дети-погодки, два мальчика и девочка, прекрасно его знавшие, не обратили на его приход никакого внимания. В отличие от недалекого Гришки, наблюдательный Кешка давно выяснил, где прячет от мужа деньги Наталья – в небольшом отверстии между ножкой и доской портновского стола. Нагнувшись, Кешка вытащил оттуда купюры.

– Дай! – потребовал младший из детей, четырехлетний Вася.

Кешка отвесил ему оплеуху. Привыкший к побоям Вася ничуть не обиделся и тут же стал отнимать у Вани, старшего из деток, какую-то красную тряпочку. Кешка пересчитал вытащенные деньги. Одиннадцать рублей. Ему очень хотелось забрать их все. Но Кешка был человеком честным и принялся вычислять: полтора рубля Наталья должна им с мамкой за следующий месяц, который они жить здесь не будут; полтинник Кешка отдал сейчас Гришке. Итого два рубля. Но ведь и этот месяц они с мамкой прожили не полностью. Сегодня всего лишь восемнадцатое число. Но полтора рубля делить на тридцать и умножать потом на восемнадцать Кешка не умел. Потому вздохнул и, забрав два рубля, простил Наталье непрожитые дни. Оставшиеся деньги он спрятал обратно в тайник.

– Эй, Енерал, дай покурить, – потребовал шестилетний Ванька, схватив для убедительности со стола портновский нож отца.

Кешка, дав ему пинка, отобрал нож. Положил было его на

стол обратно, а потом подумал, что нож-то ему пригодится. Да и стоит он примерно те копейки, что должны ему Ивановы за непрожитые в комнате августовские дни.

Эх, были бы у Кешки на ногах сапоги, засунул бы нож за голенище...

С этой мыслью мальчика сразу посетила другая: а не обзавестись ли ему одеждой и обувкой? С босыми-то ногами в тряпичники не выбиться. Да и рубище – холщовую тряпку с дыркой для головы – стоит сменить на рубаху и портки. Ведь деньги теперь у него есть.

Он тут же отправился к маклаку, тому самому, что буквально за полчаса до Кешки приедет Дерзкого.

– Чего тебе? – спросил лавочник.

– Рубаху, кушак, портки и сапоги, – ответил Кешка, разжав на миг кулак, чтобы продемонстрировать наличность.

– Подороже, подешевле?

– Подешевле.

Смерив Кешку опытным взглядом, лавочник приедет его буквально за пять минут. А потом с полчаса они торговались. Кешка был наблюдателен и памятьлив. Прожив пару лет в комнате портного Иванова, он прекрасно знал цену вещам, что новым, что поношенным. И все попытки лавочника обдурить с виду неопытного мальчишку оказались тщетными.

– Хрен с тобой, забирай всё за три рубля.

– Рубище моё в зачёт возьмете?

– Гривенник.

– Нет, полтора.

– Согласен!

– А сундук? Его купить не желаете?

Здоровенный сундук в одиночку Кешка бы до маклака не дотащил – ему пришлось пожертвовать двугривенным и нанять себе в помощь савотейщика Фимку.

– Ну, ежели за рупь, – пренебрежительно процедил маклак.

– Нет, тогда пойду к Сарайкину, – заявил Кешка.

– Два.

– Креста на вас нет.

– Три.

– Что ж, тогда с вас пятиалтынный!

Лавочник отдал ему три пятака. Забрав из сундука портновский ножик – теперь его можно было сунуть за голенище, – Кешка вышел на Лиговку и отправился к Пустому рынку.

Он пришел туда одновременно с полуденным выстрелом пушки Петропавловской крепости, который здесь, в центре города, был столь оглушающим, что Кешка даже вздрогнул с перепуга.

– А вот и Иннокентий, – поманила его пальцем Анфиска на задний двор, где сметал в кучу разноцветные листья грузный мужик с бородой на обе стороны. – Вот, Васенька, тот сиротинушка, о котором говорила. Ну? Что встал, как чурбан? Кланяйся, Кешка, своему благодетелю.

Мальчик кивнул. Анфиска схватила его за вихры и пригнула голову чуть не до земли:

– Ну кто так кланяется? Надо до земли.

– Звать меня Василий Палыч, – весомо сказал дворник. – Приходить будешь, когда в церквях по три раза бьют. Ты мне полтинник, я тебе мешки с костями. Если кто из начальства тебя поймает, скажешь, что мой племянник. Всё понял?

– Да, – сказал Кешка и на всякий случай поклонился до земли.

– Ну тогда до завтра. Прощай, сестрица, заходи, не забывай.

– Тебе спасибо, братец. – Анфиса тоже поклонилась Василию Павловичу, и они с Кешкой вышли на Гагаринскую.

– Вот твой ключ от сарая, – протянул Кешка.

– Нашел хоть, где сундук приткнуть?

– Сундук я маклаку загнал.

– А спать где будешь? На полу? Или между Гришкой и Наташкой? – подмигнула Кешке Анфиска.

– Ушел я от них. Наталья задумала меня грабануть, а потом в полицию сдать. Запер я её в твоём сарайчике.

– Свят, свят, свят! Ну и дела. Наталья тебе этого не простит. Жить-то теперь где будешь?

– В Вяземскую лавру пойду. Или ещё куда...

Отстояв небольшую очередь, Дерзкий вошел в камеру вещественных доказательств сысской полиции.

– Вам чего? – нелюбезно спросил заведующий.

– Дело в том, – неспешно, чтобы лучше осмотреться, приглянулся рассказывать Дерзкий, – что в прошлом месяце я заложил отставному подпоручику Чванову медальон, о чем имею документ...

Он достал заполненную сегодня днем в «Баден-Бадене» ломбардную квитанцию на бланке, который прихватил в квартире брата.

– Убийца Чванова уже задержана, все заклады найдены, – быстро уяснив причину визита, оборвал посетителя чиновник. – Дело передано судебным властям. После приговора Окружного суда все заклады получат наследники...

– Мне бы убедиться, что мой в целости и сохранности... Семейная реликвия.

– Зачем же вы реликвию сдали ростовщику? – усмехнулся в усы заведующий.

– Нужда-с, знаете ли...

– Нужда-с... – передразнил чиновник. – Описи у меня нет, она в деле, а заклады вон в том ящике. – Он показал пальцем. – Видите, опечатаны?

– Да... – изобразив отчаяние в голосе, произнес Чванов. –

Но как же мне узнать?

– Понятия не имею...

Отсутствие описи неприятно удивило Дерзкого. Здесь ли медальон? Ведь преступников было двое, Ефросинья и Иннокентий. Вдруг они украденное добро поделили?

Дерзкий вынул из кармана полтинник.

– Мне бы только убедиться...

– Попробуйте с Ефимычем поговорить. Это он дело раскрыл. И коробку тоже он собирал и опечатал.

Дерзкий достал второй полтинник:

– И где его найти?

– Пойдём, так и быть, покажу, – сказал подбровевший заведующий, пряча оба полтинника в карман.

Они вышли в приемную.

– Эй, Ефимыч, к тебе пришли, – крикнул заведующий в толпу людей.

– Ушел он с полчаса назад, – буркнул кто-то справа.

– Уже в трактире, небось, – раздалось слева.

– Опоздал ты, парень, завтра приходи, – пожал плечами заведующий.

– В какой он ходит трактир? – уточнил Дерзкий.

– Обычно в «Константинополь», что на Гороховой...

* * *

Наталья больше часа стучала ногами в дверь сарая и ора-

ла что есть мочи, но двор, как назло, был пуст – дворники ушли завтракать. Когда же наконец они вернулись и взломали дверь, Наталья с проклятиями побежала к себе, где выяснила, что Кешка её обокрал.

– Два рубля забрал. А ещё сундук прихватил. Вот ведь паразит. Но я ему задам! – сложив руку в кулак, показала воображаемому Кешке Наталья. – Где ваш отец? – спросила она у старшего из детей.

– Енерал папке монетку дал, – ответил Ванька.

– Значит, в трактире, – сообразила Наталья и буквально через пару минут выволокла оттуда пьяного мужа, заперла в комнате, чтобы за детьми приглядывал, а сама отправилась в сыскную доносить на Кешку.

* * *

На прием к начальнику сыскной полиции Наталья попала случайно, лишь потому, что чиновник Яблочков отсутствовал в отделении. Крутилин выслушал разъяренную бабу сочувственно и пообещал разыскать Кешку. После её ухода он дернул сонетку. В кабинет тут же вошел дежурный.

– Ефимыча ко мне.

Дежурный надзиратель замялся.

– Бегом, живо, – подстегнул его Крутилин.

– Так это... Вы ж его домой отпустили...

– Черт побери, а ведь точно.

– Иван Дмитриевич, тут к вам нищий просится на прием.

Прикажете прогнать?

– Тебе бы всех прогонять. Нищий тоже человек. Пусть заходит.

Увидев его, Крутилин встревожился:

– Я же запретил тебе сюда приходить. Тут, как на рынке, сотни людей.

– Дело больно важное, – пояснил нищий. – Потому и явился.

– Садись, рассказывай.

– После утренней службы пошел я в «Мышеловку» перекусить...

«Мышеловкой» назывался трактир в начале Обуховского проспекта в печально знаменитом доме князя Вяземского.

– ...а там Оська Хвастун пирует. Ну и хвастается, конечно. Кличка-то у него неспроста. Мол, ростовщика он вчера подрезал.

– Погоди... – Крутилин прикрыл глаза, вспоминая картотеку. – Осип Губский по кличке Хвастун...

– Он самый, – подтвердил нищий.

– Воришка и мошенник.

– Так точно.

– Но не гайменник. Никак не гайменник.

Гайменниками называли убийц.

– Никак, – согласился нищий. – Но вчера и впрямь ростовщика убили. На Коломенской.

– Откуда знаешь?

– В нашей Лавре новости раньше вас узнают, Иван Дмитриевич.

Обитатели Вяземского дома в шутку называли свое жилище Лаврой, а себя монахами.

– Потому и пришел. Почувствовал, что болтает Хвастун не просто так. Потому что при деньгах, товарищей угощает, что за ним не водится.

– Тогда так. За Хвастуном проследи, постарайся выяснить, откуда у него деньги. Сюда больше не приходи. Я завтра сам к тебе на вечернюю службу зайду...

– Как скажете...

Нищий встал и пошел к двери.

– А ты Ефимыча моего знаешь?

– Ну как не знать?

– Отпустил я его, дел для него не было. А теперь появились. Будь другом, загляни по дороге в «Константинополь», скажи, что велел я ему сына Фроськи-крючочницы найти и арестовать.

– Сына Фроськи-крючочницы, – повторил нищий, чтобы не забыть.

– Скажи, что это очень важно. Мол, появились сведения, что этот сынок был вместе с ней на квартире у Чванова. У того самого ростовщика с Коломенской.

Нищий пробормотал про себя и эти слова начальника сыскной, чтобы не перепутать, и ушел.

Ярко-красную вывеску заведения «Константинополь» Чванов заметил в полусотне шагов на противоположной стороне. Перебежав наискоски Гороховую, Дерзкий спустился в полуподвал, где размещалась чистая половина трактира.

Одетый в белое половой тут же к нему подскочил:

– Чего изволите?

Дерзкий огляделся. В противоположном от входа углу за плотно заставленным соленьями и бутылками столиком сидело четверо – «студент», «извозчик», «фабричный» и «мелкий чиновник».

– Водки. Да закусок получше. Я вон туда сяду. – Дерзкий указал на столик рядом с сыщиками, который на его удачу пустовал.

Агенты тоже пили водку, закусывали и обсуждали свои дела: как продвигается у «фабричного» розыск полусапожек, украденных у купчихи Черновой, и есть ли шансы у «студента» найти револьвер, похищенный в ресторане у штабс-капитана Курицина.

Дерзкий слушал их разговоры, размышляя, стоит ли знакомиться с компанией. «Нет, обожду. Пусть сперва наберутся как следует. Иначе интерес постороннего человека к убийству ростовщика покажется им подозрительным. И тогда меня возьмут в оборот, сверят физиономию с розыскной

картотекой, и отправлюсь туда, откуда сделал ноги».

Терпение Дерзкого было вознаграждено. В трактир, несмотря на протесты полового, вошел нищий и поманил пальцем Ефимыча. Тот тут же встал, подошел к бродяжке и вместе с ним вышел на улицу.

Через пару минут Ефимыч вернулся и, сев за столик, налил себе рюмку и выпил:

– Вот ведь холера. Крутилин велел нам Фроськиного сынка срочно сыскать. Якобы тот в квартире у ростовщика вместе с ней был. В общем так, я еду на Воронежскую, а вы по своим частям как следует пошукайте.

– А как звать Фроськиного сыночка? – спросил «фабричный».

– Кешка.

– Ты хоть приметы его опиши, – попросил «чиновник».

– Лет десяти, русый, глаза голубые. Одет в лохмотья...

– Приметы, надо сказать, исчерпывающие, – хмыкнул «студент».

– Какие есть. Я его особо не разглядывал. Некогда было, – признался Ефимыч.

– А с каких пор у Крутилина курьерами нищие бегают? – удивился «чиновник».

– Вы разве его не знаете? Это у Ивана Дмитриевича главный агент. В Вяземской лавре обитает.

– Во как! Ладно, давай по последней, и бежим искать Кешку, – разлил по рюмкам остатки водки «фабричный».

Сыщики расплатились и ушли. Довольный собой, Дерзкий допил, доел и тоже отчалил. Всё, что нужно, он узнал. Таинственный Иннокентий оказался сыном Фроськи. Следовательно, все заклады его покойного братца они с мамкой и украли. И значит, заветный медальон лежит сейчас в коробке в камере вещественных доказательств. И Дерзкому теперь надо придумать, как его оттуда изъять.

Глава пятая

Крутилин стоял у окна, наблюдая, как чиновник Яблочков вылезает из пролётки и расплачивается с извозчиком. Через пять минут Иван Дмитриевич дернул сонетку, от чего в приемной забился радостной трелью колокольчик. Дежурный встал, оправился и вошел в кабинет.

– Яблочков вернулся?

– Так точно.

– Пусть зайдет.

Через минуту, благоухая дорогим о-де-колоном, Арсений Иванович приоткрыл дверь в кабинет шефа:

– Вызывали?

– Проходи, садись. Расскажи-ка ещё раз о вчерашнем убийстве процентщика.

– Так я ведь уже докладывал.

– Угу. А я сдуру доложил градоначальнику о раскрытии дела.

– Почему сдуру? Признание убийцей подписано.

– Значит, по-твоему, ростовщика убила крючочница?

– Да. Звать её Ефросиньей Соловьевой.

– Орудие преступления?

– Узкий кинжал. Воткнула ему в горло.

– Баба-пьяница воткнула в здорового мужика кинжал? –

в голосе Крутилина Арсений Иванович отчетливо услышал

сомнение. – Да у неё, небось, руки от водки постоянно дрожат.

– Пьяным море по колено.

– А ты уверен, что она пришла к ростовщику одна?

– Ну... она так утверждает...

– Уверен или нет?

– Уверен.

– Тогда почти-ка заявление её квартирохозяйки. Та уверяет, что в квартире Чванова Фроська находилась вместе с сыном...

– Ерунда.

– А я вот так не считаю.

– Неужто мальчонку в убийстве подозреваете? Напрасно. Чванов росту был высокого, парнишке до его горла никак не дотянуться.

– Сегодня этот парнишка запер квартирохозяйку в сарае, украл у неё деньги и исчез. Думаю, ты поторопился с передачей дела судебным властям, а я с докладом начальству.

– Но Соловьева призналась...

– А вдруг сына выгораживала? Нет, нет, расследовать надо заново. Кстати, ты жильцов дома, где жил ростовщик, опросил?

– Нет, он пустой стоит, все жильцы ещё на дачах.

– А в соседних домах людей опрашивал?

– Ну, если считаете, что необходимо, завтра съезжу...

– Не надо, я сам.

Арсений Иванович вышел от начальства расстроенным. Что ж такое? Он открыл убийцу, нашел украденные ценности, а Крутилин им недоволен. Проверить желает, убедиться.

А всё из-за рождения сына. Потому что у себя дома Крутилин находиться не желает. Ведь ребеночек так орет, что в сыскной слышно.

* * *

Яблочков был отчасти прав. У Ивана Дмитриевича и вправду две недели назад родился сын, которого после долгих споров с супругой решено было наречь Константином. Но крещение было отложено, потому что Ангелина с младенцем пребывала на даче. Но вчера она вдруг заявила, что близится осень, что уже холодает, что младенец может простудиться и заболеть, и поэтому ей с ним нужно срочно возвращаться в столицу. Иван Дмитриевич, бегая по всему Парголову, каким-то чудом нанял подводы, к трем часам пополудни они загрузились и к одиннадцати вечера прибыли на Большую Морскую в здание сыскной полиции, на втором этаже которого семья Крутилиных занимала пятикомнатную квартиру. И всю сегодняшнюю ночь Иван Дмитриевич не спал из-за криков горластого отпрыска. А потом весь день слышал их в своем кабинете. Ему очень хотелось отсрочить свое возвращение в этот содом и гоморру, и потому он решил прогуляться на Коломенскую пешком.

На шумном Невском Иван Дмитриевич ежеминутно раскланивался со знакомыми. Однако кроме приличной публики, по главному проспекту страны фланировали и воры-карманники. Многих из них Крутилин знал, потому что когда-то определял их в тюрьмы и арестантские роты. Но после отбытия наказания все они вернулись к прежним занятиям. И теперь кто с милой улыбкой, а кто и просто приподнимая картуз приветствовали Ивана Дмитриевича. Преступникам он не отвечал, сердито отворачивая лицо в сторону.

«Погодите, доберусь и до вас», – обещал он мысленно.

Дойдя до недавно проложенной Пушкинской улицы, Крутилин на неё и свернул. Здесь всю кипела стройка, возводились ранее немыслимые в пять, а то и в шесть этажей дома из нового, а вернее, хорошо забытого материала – бетона. Знатoki уверяли, что он был известен ещё древним римлянам, и именно из него они построили свой знаменитый Пантеон с огромной дыркой по центру крыши. Но потом про бетон почему-то забыли, а теперь наконец вспомнили и строят из него многоквартирные дома, так называемые небоскребы, напоминающие огромные скалы.

После пересечения с Кузнечным переулком Пушкинская сменила название, превратившись в старую, милую сердцу Крутилина двух-трехэтажную улочку Коломенскую. Там около дома под номером девять сладко зевал детина с метлой.

– Это у вас ростовщика вчера убили? – спросил у него без

всякого предисловия Крутилин.

– Вам-то что за дело? Идите своей дорогой, – без малейшего намека на вежливость буркнул Прокопий.

Крутилин вытащил удостоверение, сунул дворнику под нос:

– Читать умеешь?

– Ага!

– Читай...

– На-ча-ль-ник с-с-кной... Ой!

– Пойдем, покажешь квартиру убитого...

Прокопий вдруг рухнул на колени:

– Не велите казнить: печати ваши сбиты. Клянусь, не я.

Утром обнаружил, когда из съезжего дома вернулся. Всю ночь там провел.

– Приставу про сломанные печати доложил?

– Нет!

– Почему?

– Чтобы опять в кутузку засадил? Он ведь меня в убийстве подозревал. Свезло, что ваши орлы настоящего убийцу поймали, а то бы до сих пор в съезжем доме кемарил.

– Как тебя звать?

– Прокопий.

– Скажи, Прокопий, только честно, вчера утром ты от дома отлучался?

– Само собой. Как без этого? То в дворницкую надобно, то в ретирадник....

– Я не про ретирадник. Я про надолго.

Прокопий потупился.

– Пойми, я не засадить тебя хочу, а только правду узнать, – попытался задушевым тоном вызвать на откровение дворника Иван Дмитриевич.

– Отлучался, был грех. В трактир. – Прокопий жестом указал на заведение напротив, так и манившее внутрь сочной красной вывеской.

– Да как ты посмел?

Дворник замялся:

– Ну... Больно хороший человек пригласил. Неудобно было отказать.

– Что за чудесный человек?

– Оська. Такой свойский парень, мы с ним всю вчерашнюю ночь...

– Он? – Крутилин предъявил фотографический портрет Осипа Губского, который взял из картотеки сыскной.

Прокопий запнулся. До него вдруг дошло, что его знакомство с Оськой могло быть и не случайным...

– Так что вы делали с Оськой прошлой ночью? – поняв, что дворник растерялся, узрев фотокарточку, задал Крутилин уточняющий вопрос.

– В съезжем доме кантовались.

– Как давно вы знакомы?

– Ну... Со вчерашнего утра. Оська подошел, предложил выпить. Рупь предъявил.

– Никуда не уходи, – велел дворнику Крутилин и, перебежав неширокую Коломенскую, зашел в полуподвал.

Там было темно, однако все посетители трактира дружно, словно по команде, повернули головы на барина, который, видать, по ошибке забрел на черную половину.

– Вам надобно через другой вход, в чистую половину, позвольте покажу, всего пять шагов по улице и три ступенечки вверх, – взял Ивана Дмитриевича за локоток половой.

В ответ начальник сыскной схватил его за ухо.

– Ой, что вы делаете? – взвыл половой.

– Ливеров, ты?

– Ой, Иван Дмитрич! – побледнел половой.

– Никак за старое взялся? Снова водку водой разбавляешь?

* * *

Лет пять назад знакомый трактирщик, державший шесть заведений в разных частях города, поделился с Крутилиным своей бедой. По упорным слухам, буфетчик одного из его трактиров нещадно разбавлял спиртное. Но поймать негодя за руку хозяину никак не удавалось. Крутилин взялся помочь.

Наведя справки, он выяснил, что в Технологическом институте преподает профессор, написавший труд по крепости водки. Фамилию ученого по прошествии лет Иван Дмитрие-

вич уже позабыл, но вот имя-отчество, зеркальное с его собственным, прекрасно помнил.

Дмитрий Иванович принял его в кабинете, где, будто во-все он и не профессор, а столяр, обивал кожей огромный сундук.

– Начальник сыскной Крутилин Иван Дмитриевич, – представился полицейский.

– Сыскной? – удивился профессор. – Повезло мне, что сами зашли. Я как раз к вам собирался.

– Зачем? У вас что-то украли?

– Нет, что вы. Просто хотел проконсультироваться по одному научному вопросу.

– Научному? Со мной?

– Ну да. Говорят, вы ловите преступников с помощью картотеки.

– Да-с, – не без гордости подтвердил Крутилин. – Преступники частенько свою самоличность скрывают. Или чужим именем называются. Тогда мы ищем их по приметам в нашей картотеке. И весьма успешно.

– А как картотека устроена?

– Ну, мы всегда заполняем карточки на всех задержанных за сутки лиц. Указываем имя, фамилию, возраст, цвет глаз и волос, а для мужчин ещё – носит ли бороду. И всякие приметы особые: бородавки, родинки, шрамы... А потом проверяем, не попадался ли похожий человек ранее.

– И сколько таких карточек в день заполняете?

– По-разному. Иногда пятьсот, а бывает, что и тысячу.

– Значит, за год от двухсот до трехсот тысяч. Разве можно в таком ворохе бумаг что-то найти?

– Ещё как можно. Ведь главное свое свойство человек изменить ну никак не может.

– Что именно? Цвет глаз?

– Нет. Цвет глаз сильно от освещения зависит. Я про рост! Его взрослому человеку изменить никак нельзя.

– Так, так, продолжайте.

– Потому карточки мы группируем именно по росту. А дополнительно, чтобы поиск ускорить, блондинов заносим на карточки белого цвета, брюнетов на зеленые, рыжих на желтые, а лысых на синие.

– Так, так. Невероятно интересно. По-вашему, классификацию надо строить по неизменному признаку?

– Ну конечно.

– А я всё пытался по валентности. А с ней кашу не сварить. Что ж! Решено! Возьму за основу вес.

– Простите, профессор, но брать за основу вес я вам не советую. Он ещё хуже цвета глаз. Пообедаешь – он возрастет, сходишь в ретирадник – уменьшится.

Дмитрий Иванович громко расхохотался:

– То у людей. У химических элементов всё иначе. Ладно, дорогой коллега, огромное спасибо, что помогли. А теперь, извините, нужно всё обдумать...

– Извините, профессор, но я ведь к вам по делу. Тоже нуж-

даюсь в помощи. Буфетчик один водку разбавляет. Как бы его изобличить?

– Проще простого. Отградуируйте под спирт обычный ареометр...

– Что, что? Признаться, ни слова не понял...

– Тогда подарю свой.

* * *

– Так разбавляешь или нет? – повторил замолчавшему половому вопрос Крутилин.

– Ещё как разбавляет! – крикнул кто-то из посетителей.

– Ну, тогда пойдём поговорим, – велел Иван Дмитриевич половому, очень довольный неожиданной с ним встречей.

Прогнав с кухни повара, мужчины уселись на табуреты.

– Ты ведь мирового судью уверял, что больше разбавлять не будешь, – напомнил Ливерову Иван Дмитриевич.

– Простите, простите ещё раз. Дайте ещё один шанс.

– Ну, раз просишь, изволь, дам. Если честно на мои вопросы ответишь.

– Весь во внимании.

– Вчера утром у тебя дворник из соседнего дома пьянствовал.

– Прокопий? Да, было дело, он у нас завсегда тай.

– И с кем он вчера пил?

Ливеров задумался. Половые с полицейскими откровен-

начали редко. Слишком уж опасно. Полиция-то уйдет во-
свояси, а вот искомый ею посетитель может зайти вновь и за
длинный язык накостылять по шее. А то и зарезать... Ось-
ка Хвастун, конечно, рыбешка мелкая и неопасная, но вот
мужик, с которым он вчера сидел, ножик в бок точно может
засунуть...

– Что молчишь? Или в тюрьму опять хочешь? – решил
подстегнуть откровения Ливерова Крутилин.

– Простите... Народу каждый день столько. Разве всех
упомнишь?

Крутилин достал фотографическую карточку Оськи Губ-
ского по кличке Хвастун:

– С ним?

– Так вы все уже знаете? – поразился Ливеров.

– А ты как думал? Так что говори мне правду. Если со-
врешь – решетки тебе не миновать. Они вместе пришли?

– Нет. Оська явился к открытию.

– В одиночку?

– Нет. С Колючим.

– Кто такой?

– Не знаю. Это я его так прозвал. Потому что взгляд та-
кой, что кровь стынет. Будто не живой человек глядит, а по-
койник.

Крутилин понимающе кивнул. Подобные глаза он видел,
и не раз. У сбежавших с каторги. Потому что каторга хуже
ада.

– Опиши его...

– Лет тридцати – тридцати пяти, одет в заношенный армяк, волос длинный, тонкий, цвета соли с перцем, борода того же цвета, длинная, давно не стриженная, глаза карие. Последние дни он каждый день к открытию приходил. Садился вон за тот столик у окошка и заказывал себе чай. Где-то в одиннадцать утра уходил. А вчера вдруг пришел с Оськой. Опять же сидели до одиннадцати. Пили опять же чай. Потом расплатились, ушли, но Оська буквально через пару минут вернулся. Но уже не с Колючим, а с дворником. С ним пили водку. И не возле окна, а в глубине трактира. Прокопий быстро надрался. А потом в трактир снова зашел Колючий. Садиться не стал. Просто зашел и сразу вышел. Оська тут же позвал меня рассчитаться. Но это ещё не все. В четыре пополудни Оська с Колючим пришли снова. У Хвастуна фингал красовался под глазом, сказал, что где-то подрался. Сидели недолго. Всё. Больше ничего не знаю.

– Явишься завтра в сыскную, поглядишь на фотопортреты из картотеки. Вдруг Колючего опознаешь?

– Для вас я что угодно сделаю...

– А водку больше не разбавляй.

– Клянусь...

– Клятвам твоим грош цена. Так что запомни, я от тебя не отстану, проверять буду постоянно, агентов сыскной в трактир засылать с моим приборчиком.

Выйдя из трактира, Крутилин подошел к Прокопию:

– Давай в квартиру поднимемся.

Осмотрев замок, Иван Дмитриевич вздохнул:

– Вскрывали отмычками.

– Не я, ей-богу, не я.

– Да тебя, дурака, никто и не подозревает.

Крутилин быстро обошел пустые комнаты.

– Ты ведь вместе с полицейскими отсюда уходил. Осмотрись-ка, – велел он дворнику. – Ничего после вашего ухода не пропало?

– Вроде нет. Чему тут пропадать? Всё уже украдено, – пробормотал дворник и заплакал.

– Чего ревешь?

– Пристав не поверит, что это не я печати сорвал...

– Скажешь ему, что это я, Крутилин, их снял, чтобы квартиру осмотреть. Имею на то полное право.

Дворник рухнул на колени:

– Молиться за вас буду всю жизнь.

– Лучше поймай мне извозчика.

– Сию секунду, мигом!

* * *

Агент сыскной Петька Абас², в отличие от своих коллег, лишь переодевавшихся в «извозчика», «чиновника», «сту-

---

² Двугривенный.

дента» и «фабричного», действительно был нищим.

Он приехал в Петербург десять лет назад весной и прикнуд к артели строителей, возводившей дом в Литейной части. Постройку закончили к началу ноября, получили расчет, поделили деньги. Петр поехал на Николаевский вокзал, купил билет до родного Тамбова, зашел в трактир... К нему за стол подседа симпатичная горничная, слово за слово, он заказал по её просьбе вина, да и сам пригубил... Очнулся на берегу Обводного канала, без армяка, сапог и денег. Билет до Тамбова тоже украли.

Побрел в сторону Лиговки. По дороге сердобольная баба, приняв за побирушку, сунула Петрухе двугривенный. Эта подачка и определила и дальнейшую судьбу, и кличку. Вплоть до весны он христарадничал, что неожиданно оказалось занятием выгодным, но отнюдь не легким. Потому что нищих в Петербурге много, и за лучшие места приходится драться. Но Петр был молод, силен и буквально через месяц отвоевал себе едва ли не самую выгодную «точку», у дверей храма на Сенной.

После Пасхи, заработав в два раза больше, чем предыдущим летом на стройке, Петр наконец отправился домой в Тамбовскую, где, приехав, обнаружил вместо избы с семьей пепелище. Оказалось, что любимая жена и трое деток сгорели заживо в канун Рождества. Поджег кто или угли из печки на пол упали – так и осталось загадкой, которую местный исправник разгадывать не захотел. Поплакав, Петр подарил

свой надел и все привезенные деньги, за вычетом стоимости билета третьего класса до Петербурга, отцу с матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.